

МАША ХРАМКОВА

НОМАД

Animedia

ЕСТЬ СОТНИ МИРОВ, ПОДОБНЫХ НАШЕМУ.
И ТЫСЯЧИ — АБСОЛЮТНО ИНЫХ

Маша Храмкова

Номад

«Animedia»

2019

Храмкова М.

Номад / М. Храмкова — «Animedia», 2019

ISBN 978-80-7499-364-0

Два андроида отбывают наказание на богом забытой планете. Когда-то они были людьми, но теперь всё, что у них осталось – это воспоминания о жизни в человеческом теле. Правда, есть у них и ещё кое-что – случайно попавший им в руки НОМАД – устройство, позволяющее путешествовать между мирами. Красный коридор – зловещие и опасные миры, оранжевый – нелепые и странные. Зелёный – миры вроде нашего с вами. Путешественники могут выбрать любой, но самое главное – ни в коем случае не нарушать запреты!

ISBN 978-80-7499-364-0

© Храмкова М., 2019

© Animedia, 2019

Содержание

Глава 0	6
Часть первая. Писатель	8
Глава 1. Ян Монастырский	8
Глава 2. Марк Гугения	16
Глава 3. Анлаф Прозак	25
Глава 4. Варны	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Маша Храмкова Номад

Фантастический роман

Победитель литературного конкурса «Новый старт»

© Маша Храмкова, 2019

© Издание, оформление. Animedia Company, 2019

Глава 0

Два андроида сидели на большом круглом камне. Он был тёплым, но не горячим – до того, как солнце окажется в зените и работать на поверхности будет невозможно, оставалось ещё четыре часа.

Пока можно и отдохнуть.

– Смотри, какая штука, – сказал молодой человек и подкинул вверх небольшой шар, покрытый некогда белой кожей. Он приземлился в руку так легко и естественно, словно был создан для этого.

– Ого, где ты берёшь такие? – удивилась его напарница, рассматривая причудливый красный шов на поверхности шара.

– Не знаю. – Он задумался. – Просто попадают... среди мусора.

Мусор был неотъемлемой частью их существования. На этой планете он был повсюду: за много лет до гибели цивилизации обитатели основательно загадили свои города, природу, моря и океаны. Сейчас это было уже неважно: планета официально считалась погибшей, и только мусорщики каждый день спускались на поверхность, чтобы искать среди хлама и пыли ценные соединения.

– Как же это так получается? Ты здесь всего три месяца, а я за восемь лет не нашла ни одной интересной... как ты сказал... «штуки»? – Мусорщица прищурилась, и её радужка засияла голубым светом.

Андроид улыбнулся.

– Ты жила во времена, когда материальный мир уже перестал быть ценным, – пояснил он. – У нас всё было иначе. Деньги, машины, всякие цацки. Мы были коллекционерами.

– Они были коллекционерами. – Его напарница постучала по камню, подразумевая погибшую цивилизацию. Она взглянула вдаль, где до самого горизонта высились горы мусора, собранные роботами-грузчиками. Эти помойки росли из земли, словно муравейники, разбавляя картину выжженной солнцем пустоши. Ну ничего, совсем скоро этот дистрикт будет сожжён, и всё то, что мусорщики не сочли ценным, превратится в пыль.

– Однажды мы очистим эту планету, – сказал андроид, сжимая в узкой четырехпалой ладони мячик для гольфа. В голосе ТиТ-5 сквозило сожаление: он тосковал по своему миру и прежней жизни, которую у него так несправедливо отняли.

ТиТ-5 и РУТ-81 были человекоподобными андроидами-мусорщиками. Их полуорганические тела идеально подходили для работы: длинные руки и сильные ноги, синтетическая кожа, способная выдерживать резкие перепады температур, высокочувствительные линзы и многое другое. И только мозг был живым – нет, вовсе не для насмешки над преступниками, отбывающими пожизненное наказание. Считалось, что, имея разум, андроиды работают эффективнее.

– ТиТ-5, скажи, в той жизни у тебя было имя? – спросила РУТ-81.

– Да, и имя, и фамилия, – кивнул тот. – И даже отчество. Но это всё неважно. Главное, что у меня было призвание.

– Призвание? – переспросила РУТ-81.

– То, что даёт жизни смысл. Твоё дело, – после недолгой паузы произнёс ТиТ-5. – Когда-то я был писателем.

Здесь, в колонии варнов, все андроиды были одинаковыми: для работы мусорщика не было необходимости в отличиях по внешности или полу. Но по сути все они отличались, ведь

каждый из преступников вышел из своего самобытного мира. Иногда ТиТ-5 и РУТ-81 не понимали друг друга, ведь между их мирами была бездна в несколько сотен лет эволюции.

И всё же когда-то они оба были людьми.

– Можно я буду звать тебя Писателем? – поинтересовалась РУТ-81.

– Для меня это будет большая честь. – Синтетический рот андроида растянулся в грустной улыбке. Даже при жизни он не всегда устаивался такой чести.

Обеденный перерыв мусорщиков, отведённый на то, чтобы выпить энергопунша и проверить исправность всех систем, давно подошёл к концу. Но андроидам не хотелось приниматься за работу – никуда эти кучи мусора не денутся, а сидеть на тёплом камне и разговаривать было единственным доступным для них удовольствием.

– Расскажи мне о своём мире, – попросила РУТ-81.

Они стали напарниками недавно. До этого мусорщица работала с немногословным парнем под номером ХеD-11, но он был списан в утиль по истечении срока эксплуатации. Об этом не принято было горевать: после того как жизнь мусорщика в колонии заканчивается, его разум отправляется в один из обитаемых миров. Разумеется, с запретом межпространственных путешествий.

– Это будет долгая история, – предупредил ТиТ-5 и устроился поудобнее.

Он любил рассказывать, а его напарница обожала слушать. Можно было сказать, что они нашли друг друга, пусть даже здесь, на всеми забытой колонизированной планете для ссыльных преступников.

– Люблю долгие истории, – сказала РУТ-81, и её глаза загорелись неподдельным любопытством.

ТиТ-5 усмехнулся и на секунду прикрыл глаза. О да. Он должен поведать кому-то о своём прошлом. Чтобы не сойти с ума. Чтобы ещё раз вспомнить, как замечательно всё начиналось и как глупо закончилось. Чтобы не забыть о том, что когда-то он и вправду жил.

– Всё началось три года назад...

Часть первая. Писатель

Глава 1. Ян Монастырский

Земля-1, 2015 год, Вологодинск

Всё началось три года назад. Как сейчас помню: я стою в книжном магазине, листаю одну книгу за другой, вдыхаю запах свежей краски и представляю, что это мои книги выставлены здесь. Новенькие, красивые, раскрывающиеся с тем самым неповторимым шелестом, который бывает только у новых, ещё не затасканных изданий. А на обложках моё имя: Ян Викторович Монастырский. Не псевдоним, надо сказать. Кто-то считал, что фамилия Монастырский, особенно в сочетании с редким именем Ян, звучит слишком пафосно, но имя – это единственное, что мне всегда в себе нравилось.

Я был писателем... Хотя кого я обманываю. Я отчаянно пытался быть им. Год назад, окончив универ, я бросил все свои силы, время и сбережения на то, чтобы пробиться в этот закрытый клуб успешных авторов. Я поднял свой сайт на Рустернете и ежедневно выкладывал туда свои рассказы и повести. Написал несколько книг и разослал во все известные издательства, вёл блоги в социальных сетях и осмеливался спорить с самыми что ни на есть гуру литературы. И, конечно, везде гордо оставлял свою подпись: «С уважением, писатель Ян Монастырский».

Но слава всё не приходила.

Издательства молчали, и только из одного пришёл честный ответ, что молодым писателям сейчас сложно пробиться из-за конкуренции на рынке. Дальше шло пожелание удачи в начинаниях.

Я знал, что мне нужна была *особенная* книга. Не стыренная у кого-то идея, не переинvented исторический сюжет, который у всех на слуху, а нечто новое. Беспрецедентное. То, что разобьёт в пух и прах конкурентов и заставит издательства бороться за то, чтобы печатать меня.

Каждую неделю я придумывал новый грандиозный сюжет, но стоило мне рассказать его друзьям, как кто-то обязательно говорил: «А, ну это как в том фильме...» Обычно это разбиало мне сердце, и ещё несколько дней я не мог писать, пока, наконец, не ловил за хвост новую идею.

Сюжет для книги стал моим наваждением. Я вставал и ложился с фразой: «А что, если?...» и кидался к блокноту с ручкой каждый раз, когда в голову приходило что-то стоящее. Я метался от жанра к жанру. Вчера я хотел писать про Средневековье, а сегодня про галактический флот, потому что вдруг понимал, что ничего не смыслю в истории Средних веков.

Однажды мой приятель сказал: «Чувак, остынь, всё гениальное уже придумано». Поначалу я не понял смысла этой фразы, но постепенно до меня начало доходить, что так оно и есть: всё, о чём можно было рассказать в книгах, уже рассказано. Осознать это было так же ужасно, как понять, что до тебя кто-то уже прожил твою жизнь. Так круто и ярко, как тебе и не снилось, и всё, что ты можешь, – это пытаться повторить его былой успех.

Я и вправду остыл. Решил взять перерыв. Взялся за написание статей на заказ, а свободное время полностью посвятил самообразованию. Я читал, ходил в кино и музеи, встречался с друзьями и даже купил абонемент в спортзал – загружал свой мозг чем угодно, лишь бы избавить его от поисков идеи. Если бы сейчас меня попросили охарактеризовать тот период, я назвал бы его «временем для пирога». Пойти и съесть пирог, думая лишь о пироге... И всё. Никаких посторонних мыслей.

В то лето в Ростове проходило много открытых конференций: «Как стать предпринимателем», «Как построить загородный дом», «Актуальные проблемы теории искусства». Думаете, это скучно? В большинстве своём так и есть, но я ходил туда, чтобы разгрузить свой мозг. Не думать о книге. А ещё для того, чтобы почувствовать себя среди образованных людей. Я даже избавился от джинсового стиля и купил пиджак, чтобы соответствовать. Мне казалось, что если я впихну своё тело в шкуру успешного человека, внутри меня тоже произойдут перемены.

Целых две недели я ждал встречи с писателем Листвиновым. Я не читал его книг, да и вообще не слышал о нём, но сама фраза «встреча с писателем» приводила меня в неописуемый восторг. К тому же господин Листвинов, с улыбкой вззирающий с афиш, чем-то напоминал музыканта Бориса Клевенщикова, того самого, из группы «Аэроstat», и мне хотелось думать, что он тоже пишет о путешествиях, медитациях и поисках себя.

Собираясь на встречу, я представлял, как после лекции, когда толпа читателей рассосётся, я подойду к его столу, куплю одну из книг и попрошу подписать. А затем спрошу что-то вроде: «Где взять вдохновение?», и он обязательно даст мне совет. Или хотя бы пинок под зад. О том, что Листвинову может не быть до меня дела, я как-то не думал.

Я хорошо помню тот августовский денёк, навсегда изменивший мою жизнь. Летние каникулы подходили к концу, и школа, в которой планировалась встреча, была торжественно вычищена и приведена в полную боевую готовность. В коридорах было тихо, прохладно и непривычно пусто, но это почему-то не смутило меня – я уверенно шагнул к спортивному залу и ловил своё отражение в надраенных до скрипа стеклах.

«Конференция по инновационным технологиям» – именно так было написано на листе А4.

Не понял. Я что, ошибся местом, временем, датой?

Осторожно приоткрыв дверь, я увидел большой спортивный зал. В нём было бы совсем мрачно, если бы не свет, проникающий через сетку на окнах. В нашей школе была такая же – отлично защищала от попадания мячей. В дальнем углу стояло несколько столов, а вокруг них расположилась группа молодых людей.

– Простите, – начал я, но мой голос сорвался. Должно быть, от волнения.

Я сделал несколько шагов вперёд и повторил попытку.

– Простите, здесь встреча с писателем Листвиновым? – громко спросил я, и несколько человек обернулись.

– Идите сюда. – Высокая девушка помахала мне.

По мере приближения мне стало ясно, что никого даже отдалённо напоминающего Листвинова здесь не было.

– Мы приносим свои извинения. – Девушка участливо заглянула мне в глаза. – Май Листвинов перепутал даты лекции и улетел в Перу.

– В Перу, ясно, – тупо повторил я.

Я хотел было расстроиться и даже обидеться, что меня никто не предупредил (а должен был?), но молодые люди вызвали странное расположение к себе. Их лица были открытыми

и доброжелательными и словно говорили: «Останьтесь, ну пожалуйста! Мы сделаем вам интересно».

На столах стояли наполовину раскрытые коробки, бумажные стаканчики с кофе, лежали блокноты и бейсболки в подарок. На секунду я почувствовал себя на дне открытых дверей, куда обычно приходят с новыми надеждами, и на душе потеплело.

– Ну что ж, расскажите о ваших... хм-м... технологиях, – со вздохом (больше показным) сказал я.

– Мы представляем устройство под названием «НОМАД»¹ – нейронный оптимизированный модуль астрального движения, – сказала другая девушка, во внешности которой было что-то итальянское. – Даня!

Молодой человек в клетчатой хипстерской рубашке передал ей нераспечатанную коробку, и девушка ловко вскрыла её при помощи канцелярского ножа. У неё были тонкие сильные руки с выступающими венами. На коробке я успел мельком заметить логотип «ОО “Сансара”» – странное название для организации.

Внутри, в куче белой упаковочной бумаги, лежало небольшое овальное устройство, напоминающее смартфон, – такие как раз недавно начали входить в моду. На панели было три кнопки и небольшой дисплей. В целом устройство хоть и выглядело просто, производило впечатление реквизита из какого-нибудь фантастического фильма.

– «НОМАД» – экспериментальный прибор, созданный группой студентов-физиков с целью исследования электромагнитных волн головного мозга, – рассказывала «итальянка». – Как известно, существует пять различных частот, на которых может работать наш мозг. Поначалу «НОМАД» задумывался как устройство, позволяющее управлять мозговыми волнами, чтобы достичь более эффективного...

Так. Всё понятно. Точнее, ничего не понятно. Должно быть, в эту минуту в моём мозге врубилась частота, отвечающая за сонливость, поскольку я был близок к тому, чтобы начать зевать.

– Любопытным фактом стало то, что прибор мог продлевать состояние так называемой тета-медитации...

Надо же, ещё и медитация подключилась. Краем глаза я покосился в сторону выхода.

– ...побочным эффектом которой стали межпространственные путешествия человеческого сознания.

– Простите, что? – В этот момент меня словно ударило током.

Девушка с жилистыми руками слово в слово повторила последнее предложение. Нет, фраза «межпространственные путешествия» мне не послышалась.

– Вы серьёзно? – Я удивлённо вскинул брови, и молодые люди за столом переглянулись. – Вы хотите сказать, что эта штука (я с трудом удержался от слова «хреновина») позволяет путешествовать между мирами?

Девушка смутилась, и инициативу тотчас же подхватил парень с бородкой и модной стрижкой. Он выглядел старше всех остальных; навскидку я бы дал ему лет двадцать пять.

– Спасибо за теорию, Карина, – сказал он и подмигнул девушке. – Речь идёт не о физических путешествиях, а о ментальных. Другими словами, «НОМАД» позволяет вашему сознанию переместиться в тело вашего воплощения в другой вселенной, коих бесчисленное множество.

С детства у меня была хорошая фантазия. Я много читал и знал, что такое воплощения, реинкарнация, выход в астрал и прочее, но то, о чём говорили эти ребята, просто не укладывалось в мою картину мира.

¹ Nomad – «кочевник» (англ.).

– Если это устройство такое крутое, почему вы сидите здесь, а не в каком-нибудь Генополе? – спросил я, решив вывести их на чистую воду.

– Никто не верит в наше изобретение, – подал голос Даня. – В университете нам запретили тестировать «НОМАД» на людях, и тогда каждый из нас испытал его на свой страх и риск. Молодые люди обменялись понимающими взглядами.

– Мы здесь для того чтобы дать человечеству новую технологию, – продолжал Даня. – Возможность узнать нечто большее о самих себе.

В этот момент в зал вошли ещё двое – должно быть, тоже на лекцию Листвинова.

– Всё это звучит очень красиво, правда, – сказал я. – Надеюсь, что у вас всё получится, ребята.

Да, я был писателем, демиургом, но кто, как не писатель, может провести границу между реальностью и вымыслом? Рациональное зерно внутри меня не позволяло просто так взять и поверить во весь этот бред про другие миры. Хотя, если честно, мне очень хотелось поверить.

Развернувшись, я направился к выходу, ощущая неприятную смесь обиды и жалости к себе. В какой-то момент я вообще забыл, зачем пришёл сюда. Вдруг тот самый парень с бородкой громко произнёс мне в спину:

– Всё понятно. Вы выглядите молодым, но в душе вы слишком стары, чтобы быть мечтателем. Первооткрывателем. Не свидетелем, а создателем своей жизни.

«Создателем своей жизни», – именно об этом я думал в последнее время.

Я остановился и медленно обернулся. Молодой человек смотрел на меня, а Карина уже обрабатывала новых посетителей, вполголоса рассказывая им о другом устройстве, записывающем сновидения.

«Это последний шанс, – вдруг пронеслась в моей голове странная и как будто бы даже посторонняя мысль. – Дважды они предлагать не будут».

– Ладно, допустим, – решительно сказал я, возвращаясь к столу. – Допустим, что этот «НОМАД» что-то может. Что дальше?

– Возьмите его в аренду. На сутки. – Парень с бородкой вытащил новую нераспечатанную коробку. – Если «НОМАД» не удивит вас – мы вернём деньги за потраченное время.

Я усмехнулся: сразу понятно, кто в их команде был учёным, а кто продавцом.

– Хорошо. Вы сами напросились, – кивнул я, решив, что лишние деньги мне точно не помешают. Если, конечно, не удастся и впрямь пережить некий трансцендентный опыт.

– Вот и замечательно. Кстати, меня зовут Артём. Артём Листвинов. – Молодой человек протянул мне руку.

Вот оно как.

– Так, значит, писатель Листвинов... – начал я.

– Да, Май Листвинов – мой отец. – Артём как-то странно подмигнул мне и принялся аккуратно распаковывать коробку.

Мне хотелось спросить про его отчество, но я чувствовал, что это сейчас неуместно.

– Маевич, – сказал молодой человек абсолютно будничным тоном, словно я всё же решился озвучить свой вопрос.

– А вы что, и мысли читаете? – поинтересовался я.

– Нет, просто этот вопрос мне задают чаще всего. – Артём Маевич улыбнулся и осторожно достал из вороха белой упаковочной бумаги устройство.

– Сейчас проверим, – сказал он и вставил в него аккумулятор.

Сказать по правде, я не верил, что этот прибор сможет меня удивить. Телефон с тремя кнопками – как он может перенести моё сознание в иное измерение? Но когда Артём достал из коробки маленький датчик, всё стало гораздо интереснее.

– Нейромодуль крепится на висок, – пояснил молодой человек. – Он помогает установить связь между сознанием и «НОМАДом».

Беспроводные устройства нечасто встретишь в магазинах, а уж тем более в провинциальном Вологдинске. Артём Маевич нажал на центральную кнопку прибора, и датчик моргнул зелёным глазком.

– Давайте представим, что я решил купить его, – сказал я, проводя пальцем по гладкой поверхности устройства. – Сколько стоит ваша технология?

Артём улыбнулся, и я ожидал, что сейчас он назовёт сумму с несколькими нулями или ещё хуже – напишет на бумажке, как в кино.

– Мы продадим его за столько, за сколько вы посчитаете нужным, – сказал молодой человек.

Больше всего я не любил такие ответы. То есть ты можешь, конечно, заплатить пятьсот рублей, но тогда на тебя будут смотреть косо. И непонятно, сколько нужно на самом деле: две тысячи, три, сто тысяч?

Я хотел было воспротивиться, но Артём Маевич добродушно замахал руками.

– Не будем сейчас об этом, ладно? Придётся домой, соберётесь с мыслями, опробуете «НОМАД» в привычной обстановке, а завтра мы обсудим все условия покупки.

– Я ещё не сказал, что куплю его, – заметил я, но молодой человек бегло взглянул на часы, словно куда-то торопился.

– Девушки расскажут вам, как им пользоваться... Но вначале нужно подписать вот здесь. – Артём Листвинов подвинул ко мне листок формата А4. Я быстро пробежал глазами по тексту. Ага, кажется, мне подсунули договор.

«С инструкцией ознакомлен, всю ответственность за жизнь, здоровье и безопасность свою и своих воплощений при работе с устройством беру на себя» – гласила финальная строчка, и, если честно, она заставила меня немного напрячься.

– Но я ещё не ознакомлен...

– У нас как в «Алисе в Стране чудес» – вначале делим торт, затем режем. – Артём вновь подмигнул мне. – Это просто формальность, уверяю вас.

Я пожал плечами и подписал бумагу: вряд ли этот прибор способен мне навредить. Потом, подумав немного, достал из кармана свою писательскую визитку и протянул Листвинову-младшему. Когда-то давно я заказал их слишком много, две тысячи штук, поэтому и раздавал без всякой жалости.

– Здесь мой телефон. На всякий случай, – сказал я, не очень представляя, что это за «всякий случай».

– Прошу, Ян Викторович, присаживайтесь. – Артём Маевич указал на стул. – Оля вам всё расскажет.

Итак, я взял его в аренду.

Ни портфеля, ни даже полиэтиленового пакета у меня не было, и я гордо нёс белую коробку в руках.

Уже возле автобусной остановки я вдруг сообразил, что на улице темно.

Как же это так получается? Я взглянул на подсвеченный циферблат и изумился – оказывается, я провёл в школе целых четыре часа!

Подожёл полупустой автобус, и я занял дальнее место у окна. Через минуту понял, что сел на противоположной стороне и, чтобы попасть домой, мне теперь придётся объехать целый город. Ну и чёрт с ним.

«Будет время всё обдумать».

А обдумать и вправду было что. Если я правильно понял девушку Олю, «НОМАД» работал довольно просто. Он вводил мозг в состояние глубокой медитации, во время которого наша

личность переставала быть привязанной к телу. Иными словами, при желании мы могли путешествовать в другие вселенные, коих, если верить создателям устройства, было бесконечное множество.

Я вынул из кармана листок, сложенный вдвое. На нём Ольга набросала для меня схематичную модель мира, точнее, миров. В центре была жирная точка, подписанная как Земля-1 – это был наш мир, привычный, местами скучный, но всё же родной и безопасный. Вокруг было множество других точек – они лежали на пунктирных меридианах и параллелях, кто-то дальше, кто-то ближе.

Оля сказала, что чем ближе точка лежит к Земле-1, тем больше она похожа на наш мир: расположением материков, климатом, политическими партиями, цветом травы и ещё бог знает чем. А чем дальше на схеме находится та или иная точка, тем более странным и непривычным для нас окажется мир. Материки будут утопать в бескрайнем океане, климат станет экстремальным, политические партии – тоталитарными, а в траве вместо хлорофилла объявятся какие-нибудь сиреневые хромопласты.

Ладно. Если с этим я ещё мог смириться, то новость о том, что у каждого человека есть более тысячи воплощений в других реальностях, вызвала во мне смесь эйфории и панической атаки. Это было одновременно так странно и так... предсказуемо, что ли. Словно когда-то давно кто-то уже был здесь, был мной. С этой мыслью я родился и жил всё это время, пока, наконец, не оказался в этом автобусе с коробкой на коленях.

Я отлип от окна и увидел девочку, сидевшую напротив меня. Она смотрела на коробку словно на торт, и я не придумал ничего глупее, как объяснить всё «по-взрослому».

– Здесь прибор. Очень дорогой.

«Ну дурак! – Мысленно я дал себе подзатыльник. – Можно подумать, всё в мире измеряется только деньгами».

Девочка продолжала молча смотреть на меня, и я почувствовал себя ещё более нелепо. К счастью, следующая остановка была моя.

После душного автобуса свежесть августовской ночи показалась мне настоящим блаженством. Я шёл, глядя на звёздное небо, по которому то и дело чиркали кометы. Это было красиво, даже как-то пронзительно красиво, словно простое человеческое сердце не способно было вынести всей этой красоты.

Перед домом я замедлил шаг. Почему-то не хотелось подниматься туда, в свою пустую квартиру. Я стоял напротив подъезда и тупо смотрел на свои окна – чёрные, словно глазницы.

«Когда я поднимусь – придётся испытывать *его*», – мелькнуло в голове, и я невольно содрогнулся. Признаться, ни до, ни после я не ощущал ничего подобного – это было чувство, что мой выбор сделан.

Потом я вспомнил о горячей ванне и крепком кофе, который обожал пить по ночам, и на душе стало немножко спокойнее. Всё-таки привычные вещи помогают удержаться на плаву, когда твоя жизнь перестаёт быть знакомым уютным болотцем.

А потом произошло нечто совсем невероятное: я забыл о «НОМАДе». Выпил кофе, принял ванну, затем вспомнил, что вышел новый эпизод моего любимого сериала, посмотрел, лёг спать и... Проснулся в четыре утра с жуткой мыслью о том, что я забыл что-то архиважное!

Он всё так же лежал в коробке вместе с толстенной инструкцией и копией договора. Заварив себе чай, я устроился за барной стойкой (ну не любил я обычные столы) и принялся читать.

Я ненавидел инструкции и всегда предпочитал делать всё по наитию. Но сейчас это самое наитие подсказывало мне прочесть всё – от корки до корки. К счастью, я не пожалел о потраченном времени: текст читался легко, словно фантастический роман.

В инструкции было сказано, что каждый из миров относится к тому или иному спектру: зелёному, жёлтому или красному. Миры зелёного спектра походили на наш, жёлтые были про-

сто иными – не шокирующими, если, конечно, вас не шокирует мир, в котором нет электричества или мух дрозофил. Красный цвет символизировал опасность, причём не всегда физическую: считалось, что примитивный разум человека не в силах постигнуть четырёхмерное измерение или пребывание, например, в виде камня или водоросли. Посещать такие вселенные было опасно для мозга, и я абсолютно разделял эту позицию: быть камнем, пусть даже временно, мне совсем не улыбалось.

Дальше шёл перечень хорошо изученных миров: в основном все они были из зелёного и жёлтого спектра и только три из красного. «Местные жители, наделённые высшим интеллектом, являются звеном пищевой цепочки», – прочитал я и отложил бутерброд. Как же это так получается? Я сижу вот здесь, на своей кухне, а где-то там моё воплощение борется, чтобы не быть съеденным? Неужели такое возможно, неужели всё это реально?

Я достал из коробки нейромодуль и повертел его в руках. Может, попробовать? Прямо сейчас? Сердце бешено забилося, словно перед неизбежным походом к стоматологу. А что, если я погибну? Вдруг эта штука сожжёт мой мозг? Вдруг Артём Листвинов и его группа – изошрённые убийцы? Нет, даже ради убийства никто не стал бы писать такую длинную инструкцию.

Я доел завтрак, не чувствуя ни вкуса, ни запаха. Ладони вспотели, в горле был ком, но мозг, похоже, уже принял решение. Да, я сделаю это прямо сейчас.

Мой письменный стол располагался прямо напротив зеркала. Установив датчик на виске при помощи специальной ленты, я откинулся на спинку и на секунду встретился взглядом со своим отражением. Всегда спокойный и уверенный в себе Ян Монастырский смотрел из зеркала с отчаянной решимостью, словно вот-вот собирался прыгнуть с двадцатиметровой вышки в воду.

Верил ли я, что что-то произойдёт, когда нажимал на кнопку? Нет, до конца нет. Не верил я и когда «НОМАД» отозвался мягкой вибрацией в руках, а датчик на голове едва ощутимо дрогнул. То, что что-то изменилось, я понял, когда мне снесло крышу. Вот прямо буквально. Я ощутил, как моё сознание раскачивается, словно кегля, сбитая с места шаром для боулинга. Оно утратило сцепление с привычной реальностью и в любую секунду могло вылететь за пределы моей вселенной. Куда? Чёрт знает куда. Я был словно на шахматной доске, вот только для того, чтобы сделать ход, мне достаточно было намерения. И крайне важно сейчас было не прогадать с этим ходом.

Изо всех сил я ухватился за кожаные подлокотники, будто это могло помочь. Под действием тета-волн моё сознание раскачивалось всё сильнее и сильнее, набирая амплитуду для прыжка. Превозмогая панику, я вспомнил абзац из инструкции, в котором говорилось, что делать дальше.

«Для перехода в выбранный мир войдите в состояние тета-медитации при помощи «НОМАДа». После этого сконцентрируйтесь на заданной цели усилием мысли...»

Усилием мысли, понятно. Но то, что испытывал я, было, скорее, мольбой.

«Привычный мир! Понятный! Знакомый! Вот только... может быть... чуть-чуть другой. Если можно...» Примерно так выглядело моё намерение.

Я был уверен, что вся трансцендентность случится потом. Что я полечу по бесконечному тоннелю или провалюсь в четырёхмерный шкаф, но само перемещение оказалось запредельно простым. Раз – и всё. И я очнулся в той же комнате, в том же кресле, с точно такими же побелевшими пальцами, неистово вцепившимися в деревянные подлокотники.

Стоп. Деревянные?! Но *мои* подлокотники кожаные!

Неужели я всё-таки... Похоже, что да.

В зеркале напротив был всё тот же Ян Монастырский. На коленях лежал «НОМАД», голова была обмотана дурацкой футуристической лентой – значит, тот, другой «я» тоже взял прибор в аренду. А может быть, сразу купил?

Сердце выпрыгивало из груди от волнения. Сейчас я понимаю, насколько я был беспечным: я не думал о том, что с моим телом и где теперь сознание того, второго, Яна; я просто был первооткрывателем, впервые ступившим на новую планету. Осторожно, замирая от восторга и ужаса одновременно.

Телефонный звонок застал меня врасплох. Я подпрыгнул на кресле и дрожащими пальцами вытащил из кармана мобильник. Звонила некая Елена.

Я хотел было по привычке ответить, но тут же вспомнил предостережение из инструкции: «Что бы ни происходило, не вмешивайтесь в привычный ход событий! Не вступайте в разговор, если его можно избежать, не проявляйте инициативу там, где в этом нет необходимости. Помните: любое, даже незначительное событие может серьёзно исказить реальность».

Так-то оно так, вот только любопытство всегда было моей слабостью. Решив, что просто послушаю, что имеет мне сказать собеседница, я взял трубку.

Высокий женский голос резанул по ушам:

– Серёжа, ты обещал, что перезвонишь, как доберёшься. Прошло уже три часа...

Я отшвырнул телефон, словно дымовую шашку с тлеющим фитилём, и мысленно приказал отправить меня обратно.

Фух. Перемещение произошло так же быстро, без спецэффектов. Неизвестно, что напугало меня больше: этот громкий требовательный голос или то, что меня назвали другим именем. Я никогда не имел проблем в общении с женщинами, но, будучи в теле Серёжи, явственно ощутил, что он на крючке. Некая леди Елена крепко ухватила его за, простите, мужское естество и теперь пила из несчастного Серёжки все соки. Бр-р-р, мерзко до жути. Надеюсь, что в других мирах я не был таким же неудачником.

Я остановился и понял, что всё это время ходил кругами по комнате. Своей вроде как с датчиком, всё ещё закреплённым на виске. Я нервно рассмеялся и с облегчением схватился за голову.

– Работает, хреновина!

Глава 2. Марк Гугения

Думаю, не нужно объяснять, почему, едва дождавшись семи утра, я поспешил на встречу с Артёмом Листвиновым. Вопреки моим ожиданиям, «НОМАД» работал. И это хоть и ломало все мои устоявшиеся за двадцать пять лет взгляды на жизнь, но в то же время делало меня абсолютно счастливым.

– Что значит «Здесь нет такой компании»? – удивился я, когда охранник сказал мне, что впервые слышит о фирме «Сансара».

– А вот так. – Мужчина с влажными глазами навывали пожал плечами. – Я тут восемь лет работаю.

– Ну а Листвинова... Артёма Листвинова вы знаете? – Я стоял на проходной и как дурак держал в руках коробку с чудо-устройством.

– Впервые слышу, – пробурчал охранник себе в усы.

– Ладно, – решил я, чувствуя, что просто обязан выяснить хоть что-то, иначе мой мозг взорвётся. – Там работают молодые ребята, студенты. Там была одна девушка... миниатюрная такая, симпатичная, похожая на итальянку.

– Карина? – уточнил охранник, и я возликовал.

– Да, да, Карина! Вы её знаете?

– Хотел бы узнать поближе. – На лице пожилого мужчины появилась ухмылка этакого донжуана. – Она живёт на десятом этаже, и периодически к ней заходят друзья, тоже студенты.

Я решил, что выяснять дальше нет смысла. Достав из коробки договор, я ещё раз перечитал его. ООО «Сансара» должно было находиться по этому адресу, если оно, конечно, вообще существовало. На секунду меня пронзила мысль о том, что я каким-то образом перепутал реальности и оказался в мире, где никакой «Сансары» не существует, но в этот момент из лифта вышел Листвинов-младший.

– Артём Маевич. – Я бросился к нему как к родному. – Как хорошо, что я вас встретил! А то меня пускать не хотели...

Листвинов неприветливо покосился на охранника и молча проводил меня на улицу. Остановившись под козырьком, он с тоской взглянул на начавший моросить дождик.

– Наша организация не совсем официальная, Ян Викторович, – сказал Артём Маевич, прикуривая сигарету. – Впрочем, уже неважно. Как вам «НОМАД»? Удивил?

– Более чем, – восторженно начал я, но тут же осёкся: нельзя слишком радоваться, ведь я же сам назначаю цену. – Но штука, без сомнения, очень опасная.

– Да, вы правы. – Листвинов как-то рассеянно покивал, и у меня создалось впечатление, что он не слишком заинтересован в сделке.

– У меня один вопрос, – сказал я. На самом деле, вопросов было много, но именно этот больше всего не давал мне покоя. – Что происходит с личностями тех, в чьё тело я... вселяюсь?

Прозвучало по-дурацки, но я не нашёл более подходящего слова.

– Так вам не объяснили? – разочарованно ответил Артём, словно коллеги сильно подставили его. – Вы меняетесь местами, после чего личность воплощения попадает в капкан. Нейродатчик удерживает сознание дубля в состоянии, близком к потере сознания. Мы называем это нейроингибированием.

– Звучит не очень этично, – заметил я.

– Да, но только так мы можем быть уверены, что с вашим телом ничего не случится. – Артём покачал головой, мол, делать нечего. – Процесс полностью автоматизирован. Всё, что

вам нужно, – это соблюдать продолжительность сессий. Не более тридцати минут за раз. Не дольше трёх часов в сутки... Полистайте инструкцию, там всё есть.

– Я хочу купить его, – прямо сказал я и стукнул большими пальцами по коробке, которую зачем-то взял с собой. Объяснения молодого человека меня полностью удовлетворили.

Дальше от меня должна была последовать финансовая инициатива, но Артём Маевич снова меня удивил.

– Мне надо спешить. Сколько наличных у вас с собой? – спросил он.

Я достал бумажник и быстро пересчитал банкноты.

– Две тысячи, – сказал я. – Всё остальное на карте. Давайте дойдём до банкомата...

– Двух тысяч хватит. – Маевич взглянул на часы и зашвырнул окурочек в ближайшую урну.

Титаническим усилием воли я заставил себя не задавать вопросов. Ежу было понятно, что такая технология, как «НОМАД», стоила в разы, да что там – в десятки раз дороже. Но по каким-то причинам Листвинов-младший собирался отдать её мне почти даром.

Я видел, на что способен прибор. И был не против.

– Прочтите инструкцию, – сказал Артём Маевич, когда я молча передал ему деньги.

– Уже, от корки до корки, – покивал я.

– Прочтите ещё раз, – настоял молодой человек и неожиданно посмотрел на меня со странным сожалением в глазах. – Вы хороший человек, Ян Викторович. «НОМАД» определённо поможет вам в написании новой книги.

Да, именно этим я и собирался заняться. Искать идеи в других мирах.

– Держитесь политики невмешательства и помните про временные нормы. И тогда всё будет хорошо. – Артём Маевич пожал мне руку и вышел под тёплый летний дождь.

Видел ли я его ещё когда-нибудь потом? Нет, определённо нет. Артём Маевич запомнился как очень приятный молодой человек, этакий Морфеус, который вручил мне красную пилюлю – пропуск в чудесный мир зазеркалья.

Что нужно сделать, когда на горизонте замаячила возможность круто изменить свою жизнь?

Догнать и вцепиться всеми лапками.

Придя домой, я первым делом отрубил интернет. Выключил все телефоны и убрал подальше все гаджеты. Приготовил и съел максимально простой обед. Всё. Теперь я был готов полностью погрузиться в работу.

Для того чтобы найти крутую идею для книги, мне нужно было рискнуть. Отправиться в мир, отличный от нашего, и испытать всё на своей шкуре. Я сказал себе, что буду работать, пока не появятся первые успехи. Лепить, пока глина ещё сырая. Иначе моя тяга к прокрастинации победит, и я просто лягу спать, а ложиться спать сейчас – подобно смерти.

Я заварил себе крепкого кофе и принялся штудировать инструкцию. Миры зелёного спектра навевали на меня скуку; исследовать их было все равно, что искать отличия на двух идентичных, на первый взгляд, картинках. Жёлтый спектр был поинтереснее: здесь встречались реальности, от описания которых я выпадал в осадок или, напротив, смеялся от души.

«Мир, в котором любая растительность на голове запрещена. Особенно женщинам». Что вы на это скажете? Этакий мир бильярдных шаров.

Или вот ещё: «Вселенная, в которой гетеросексуальные отношения считаются отклонением от нормы». Интересно, как там обстоят дела с продолжением рода? Поначалу я хотел смотаться туда, но вовремя вспомнил о своём цейтноте: для того чтобы посмотреть все интересные миры, мне и жизни не хватит, а книга сама себя не напишет.

Нет, мне нужно было что-то особенное. Что-то опасное. Подумав немного, я раскрыл инструкцию на красном спектре.

Боже мой... Какие демоны ада создавали эти вселенные? Да, кому-то наш мир тоже может показаться ужасным, несовершенным, больным. Только подумайте: человеческие существа рождаются в муках, голые, безволосые и абсолютно не приспособленные к самостоятельной жизни. Они вырастают и большую часть своего существования обречены зарабатывать бумажки, чтобы потом купить на них еду, одежду, комфорт и совершенно ненужные предметы статуса и роскоши. Но зато в нашем мире нет повсеместного жертвоприношения, братоубийства, рабства, поедания своих детей...

Я листал каталог и держался за челюсть. В какой-то момент меня охватила абсолютная уверенность в том, что я далеко не единственный умник, решивший «слизать» сценарий из другой вселенной. Наверняка многие известные писатели и сценаристы периодически «заглядывают в гости» к своим воплощениям из этих кровавых вселенных. Равно как и в наш мир наведываются, чтобы потом рассказать своим соотечественникам страшилку о том, что люди там работают с восьми до пяти и имеют всего два выходных в неделю.

И вот, спустя четыре часа и пять чашек кофе, я наконец-то нашёл то, что искал.

«Мир, оккупированный внеземным разумом. Существование вполне приемлемо. Качество жизни зависит от локации вашего воплощения».

Да, это было то, что нужно, – я понял это, ощущая, как мурашки побежали по коже.

– Главное – не вмешиваться, – сказал я своему отражению и надел на голову датчик.

Затем, подумав немного, установил таймер автоматического возвращения. Через десять минут он должен был выбросить меня из выбранной реальности – функция, созданная на случай, если воплощение погибнет или я сам по каким-то причинам не смогу вернуться.

Всё, теперь точно всё. Я сделал глубокий вдох и нажал на центральную кнопку прибора.

Люди медленно брели по тёмным улицам. Нас было много, и все как один угрюмые и подавленные. С неба летели крупные хлопья, которые я вначале принял за снег, но это оказался пепел. Он падал на сторбленные плечи, на головы в одинаковых фуражках, на тротуары и разбитые витрины.

Я был маленького роста... Нет, не так: я был ребёнком. Ощущал, что моё воплощение сильно устало, хочет есть и пить, но на фоне всех остальных не теряет какой-то живости и энтузиазма, если это слово, конечно, было здесь уместно. Рядом со мной брели двое взрослых людей, мужчина и женщина, они не были родителями, но я ясно ощущал их близкую связь со мной.

Вряд ли мы были в Ростовии: на единичных уцелевших витринах виднелись надписи на незнакомом языке, но, как ни странно, я их понимал. Как понимал и невнятную речь идущих рядом людей. Этот язык, тихий и напевный, напоминал воркование голубей, а ещё оставлял в душе какое-то невыразимое тягостное ощущение.

Кто-то кинул пустую бутылку, и ближайшая к нам витрина со звоном рассыпалась. Я вздрогнул от неожиданности, и мужчина рядом тотчас же схватил меня за руку.

– Элленде куркулэн то де, Марко, – проговорил он, и я понял, что это значит: «Не бойся, всё хорошо, Марк».

Дальше шествие продолжалось молча. У меня было много вопросов. Куда мы идём? Будем ли останавливаться на ночлег? И главный: что за внеземной разум угнетает нас и насколько он опасен?

Я открыл рот, чтобы спросить, но вместо привычной речи с моего языка слетело что-то вроде:

– Галлен гуде нги...

– Тш-ш! – шикнула на меня женщина и сунула в руку нечто, завёрнутое в грязную тряпку. Это был кусок хлеба.

«Ясно, заткнули мальчика», – подумал я и взглянул вверх. Небо было тёмным и абсолютно непроницаемым из-за плотных облаков. Пепельные хлопья продолжали сыпаться, словно мы были не в городе, а прямо у подножия извергающегося вулкана. Позади небосвод алел от пожара: наверняка именно оттуда мы и шли, словно стадо динозавров, уходящее от неизбежно наступающего на пятки ледникового периода.

В некоторых домах горел свет. Я заглянул в окно на первом этаже и услышал, как работает телевизор. Желудок заурчал, почувствовав запах еды, и я заставил себя откусить от промокшей коврижки.

Так странно, почему эти люди не уходят? Почему смотрят телевизор и готовят ужин, когда все остальные бегут?

Человек, идущий рядом, проследил за направлением моего взгляда. Он пробормотал что-то на своём курляндском, и я прекрасно его понял. И, признаться, от этого мне стало сильно не по себе.

«Остались те, кто сдался *им* заранее».

К концу десятой минуты в теле маленького Марка я настолько проникся всей этой безысходностью, что мне начало казаться – теперь так будет всегда. Не будет тёплого дома, привычных вещей, не будет горячего шоколада из кофейни и вкусных булочек, которые пекла мама... Так, стоп, это были уже не мои воспоминания. Это были воспоминания мальчишки, потерявшего родителей в день своего одиннадцатилетия. В инструкции об этом не говорилось, но уже второй раз моё сознание самым хаотичным образом сливалось с сознанием воплощения. Это было пугающе, но для книги – как нельзя кстати.

Сработал таймер автоматического возвращения, и я очнулся от этой жуткой реальности, как от кошмарного сна. Сердце билось, словно колокол, а ладони были мокрыми от пота. Я встал и распахнул шторы, чтобы убедиться, что с неба не сыплется пепел. За окном светило солнце, автобус под номером сто один отъезжал от остановки, попыхивая газком, а группа школьников вывалилась из мини-маркета с чипсами, газировкой и прочей дрянью, которую им наверняка запрещают родители.

– Родной Вологдинск, – прокомментировал я, ощущая, как разгоняется мрак на душе. И тут же кинулся назад, к письменному столу: нужно было срочно зафиксировать пережитый опыт, пока воспоминания ещё свежи.

Следующие три часа я провёл за записями. Подробно, словно следопыт, я описывал всё, что пережил в шкуре Марка, добавив от себя несколько подробностей. Когда закончил, на окнах соседнего дома уже играли солнечные блики – этот длинный, невероятно длинный день подходил к концу.

Я запихнул в карман бумажник, закрыл дверь на замок и выбежал из подъезда – счастливый и одухотворённый своей работой. Хотелось немного пройтись, к тому же я был невероятно голоден. В десяти минутах от моего дома располагалась известная сеть «МакСомнальдс»; в обычные дни я избегал фастфуда и предпочитал готовить дома, но сегодня хотелось набить желудок чем-то жирненьким. Во многом сказалось ощущение постоянного голода, которое испытывал Марк; сам же я рос в обеспеченной семье и даже в университетские годы не голодал.

Взяв традиционный «студенческий» набор – чизбургер, картошку фри и колу, я направился за свободный столик. Успев прожевать всего один кусок, я понял, что совершенно нахально пялюсь на молодую девушку напротив. Она сидела, уткнувшись в телефон, а рядом

стоял нетронутый стаканчик с кофе. Длинноволосая шатенка с глубокими синими глазами была похожа на известную актрису, имя которой я так и не смог вспомнить.

Она была красавицей. Немного не дотягивала до модельной внешности, но так даже лучше. Естественнее. Заметив, что я таращусь на неё, словно какой-нибудь школьник на модель из «Пентхауса», девушка не смогла сдержать улыбки.

«Так, нужно срочно что-то предпринять», – твёрдо решил я, забыв о путешествиях между мирами, оккупированных вселенных и собственных воплощениях.

Но, как назло, в голову не приходило ничего оригинальнее, чем скромно вручить ей свою авторскую визитку.

«Не смей, идиот!» – сказал я самому себе и принялся с остервенением дожёвывать чизбургер.

Через пять минут незнакомка встала из-за столика и направилась к выходу. Без сожаления оставив недоеденную картошку, я кинулся следом.

– Девушка, а хотите... я вас накормлю? – выпалил я первое, что пришло в голову. – А то что вы только кофе...

Я был готов к провалу. Уже на лестнице леди вдруг обернулась и неожиданно ответила:

– Вообще-то я предпочитаю другие места. – Её голос был низким и очень приятным, словно кошачий утробный рык.

Я улыбнулся в ответ, и уже через пятнадцать минут мы спонтанно ужинали в классической кофейне с идеально треугольными чизкейками, дорогой посудой и ненавязчивыми официантами.

Девушка звалась Викой, за плечами имела переезд из Уфомска, три курса факультета психологии в Вологдинском педагогическом, кошку Анюту и – неожиданно – чёрный пояс по тхэквондо. Она мечтала увидеть норвежские фьорды, северное сияние и новый сезон «Битвы тронов», которого ждала без малого половина планеты. Но самое удивительное – слушать Вику было легко и приятно, настолько, что почти не хотелось перебивать её своими избитыми расказами из серии «как я стал писателем».

По завершении вечера мы обменялись телефонами, я проводил её до станции метро (мог бы и дальше, но жила она аж в Новодевкино) и даже подержал за предплечье – недолго, секунд тридцать. Домой я завалился совершенно счастливый, улыбающийся и немножко пьяный. Я уснул до того как голова коснулась подушки, а труд про прищельцев так и остался лежать на столе без контрольной вычитки.

На этот раз таймер был установлен на максимальное время – тридцать минут. Удобно устроившись в кресле, я глубоко вздохнул, бодро кивнул своему отражению в зеркале и нажал на кнопку...

Мы были за городом. Марк и двое взрослых брели по полю, заросшему высокой травой. Когда-то на нём выращивали зерно, но с приходом *иных* до сельского хозяйства никому не стало дела.

По правую руку стояли брошенные деревянные дома: окна были выбиты и зловеще чернели в густых сумерках. Прямо по курсу простиралось бескрайнее поле, утопающее в молочном тумане, а позади грозно надвигался лес. И нет, «грозно» было не просто эпитетом: кожей маленького Марка я ощущал опасность, исходящую от этого леса. *Они* таились там до поры до времени.

Мужчина шёл напролом, точно танк, а вот женщина всё время оглядывалась – должно быть, тревога подгоняла и её.

Я буквально валился с ног. Всё, чего мне хотелось, – это поскорей найти какой-нибудь стог сена и забиться туда, подальше от всех бед. В какой-то момент мне показалось, что я вот-вот отключусь: сознание снова стало подвижным, точно сбитая кегля. Но неожиданно возникший низкий гул буквально придавил нас к земле.

– Марко! Орлодно но го! – закричал мужчина. «Беги, Марк!»

Из последних сил я бросился вперёд, подгоняемый диким иррациональным страхом. Гул надвигался из-за леса, но у меня не было времени, чтобы обернуться. Вы спросите: «Чего бы мне бояться, ведь всё это было нереально?» Для Яна Монастырского, сидящего в отключке в своём кресле, определённо, да. Но для маленького мальчика Марка – это жизнь, которая может оборваться в любую секунду. Кто я такой, чтобы перестать бороться за неё?

Да и страшно, чёрт побери, было до жути.

Даже отдавая себе отчёт, что в этом мире я, как в компьютерной игре, не смогу погибнуть «взаправду», я не хотел умирать. Боялся увидеть то, что не смогу забыть, боялся, что моя и без того не совсем адекватная психика окончательно свинтит.

Да, в любую секунду я мог приказать «НОМАДу» отправить меня обратно. Но даже на это у меня не было времени. Всё, что я мог, – это бежать через густую траву и туман вперёд, к заброшенным домам и спасительным стогам сена.

Позади раздавались странные звуки: словно что-то тяжёлое и влажное шлёпалось на землю. Мужчина закричал и тут же умолк, будто бы его придавило гигантской слизистой каплей.

«Оглянись, дурак, оглянись! Ради книги!» – думал я, но тело отказывалось повиноваться. Перепрыгивая через какие-то пни и коряги, я нёсся к ближайшему стогу сена. Позади меня выла от страха та самая женщина, что дала коврижку, и я понял, что она долго не протянет.

Наконец-то! Убежище! Достигнув влажного от росы стога, я принялся неистово рыть в нём углубление. Движения Марка были рваными и плохо скоординированными – сказывались и возраст, и хроническая усталость, но я был поражён тем, что он вообще дошёл сюда. Я гордился своим воплощением и понимал, что, случись подобное в *моём* мире, я, наверное, остался бы сидеть дома у телевизора и ждать приговора.

Добравшись до сухого и тёплого центра, я забился в сено с головой. Видимость была почти нулевая, поэтому я целиком обратился в слух. Гул становился всё громче и громче, женщина продолжала плакать, а влажные шлепки были совсем близко.

«Они сбрасывают снаряды, – догадался я, точнее, считал из памяти Марка. – Это вещество убивает моментально».

Понятно. Значит, тот мужчина не мучился.

Очередной шлепок поразил цель: женщина умолкла, напоследок отрывисто всхлипнув. Мне пришлось зажать рот рукой, чтобы унять стук зубов. Но, кажется, *иные* не заметили меня, поскольку гул вдруг стал ослабевать, а вскоре и вовсе исчез, уступив место вязкой тишине.

Лишь спустя пятнадцать минут я осмелился выбраться из стога.

Огонь пожирал город, который Марк так вовремя покинул. Алое пламя поднималось из-за леса и трепетало в чёрном небе, словно стяг. В воздухе пахло гарью, а ещё чем-то ядовито-кислым, словно кто-то разлил уксусную эссенцию. Я чувствовал, что мне надо идти дальше, но нездоровое любопытство пересилило, и я решил посмотреть, что же стало с телами убитых взрослых.

Меня едва не вырвало, когда я увидел плотные, напоминающие слизней, скользкие комки.

«Кислотные бомбы», – услужливо подсказало сознание Марка, пока я рассматривал начавшие разлагаться тела, лежавшие внутри этих жутких капсул.

Интересно, будет ли Марк помнить об этом? Не сойдёт ли с ума, оставшись один? Его судьба вдруг стала безразлична мне, но я знал, что полчаса, отпущенные на моё путешествие, вот-вот истекут.

Всё, что я мог сделать напоследок, это собрать остатки сил и убежать как можно дальше от места расправы.

«Рано или поздно он выйдет к людям», – подумал я и перенёсся обратно в свою уютную реальность.

На часах было два ночи.

Я стал одержимым. За три дня, во время которых я практически не выходил из дома, написал, наверное, больше, чем за всю свою жизнь. Я работал как проклятый, разрываясь между тем, чтобы наблюдать за судьбой Марка и излагать всё это на бумаге. Я плохо спал по ночам, потому что мне снилось, как мой дом атакуют пришельцы, и вставал в раннюю рань, потому что именно в это время начинался день Марка.

Тогда я ещё не знал о том, что время – отнюдь не последовательная величина, как нас учили. При желании я мог переместиться в любой отрезок времени, но тогда мой мозг, вероятно, сошёл бы с ума. Что поделать – люди мыслят прямолинейно. Тогда я всё ещё был одним из них.

Однажды я очнулся, совершенно не чувствуя руки. Конечность попросту онемела от того, что я защемили локтевой нерв, но в первую секунду я жутко перепугался. Это страшно, когда тело подводит. С тех пор я завёл себе одно важное правило: всегда ставить таймер автоматического возвращения. Мне совсем не улыбалось очнуться в теле холодного трупа, угоревшего от газа или ставшего жертвой домовников.

Спустя три дня я вспомнил, что хотел позвонить Вике. Эта девушка мне и вправду понравилась, и я был бы не прочь продолжить общение, вот только... Проверив баланс на своём счёте, крепко задумался. Всё это время я жил на накопления, свои и родительские, плюс немного подрабатывал копирайтером. Но если в ближайшие три месяца я не найду издательство, готовое заплатить мне аванс, придётся устраиваться на работу. А если собираюсь водить в кафе свою девушку, то и через два.

По образованию я был учителем, но перспектива вернуться в душные школьные классы была для меня хуже плена во вражеском стане. Поэтому, отложив телефон, я взял «НОМАД» и устремился к любимому креслу.

Должно быть, фортуна была на стороне Марка, поскольку я оказался на оживлённом вокзале. Повсюду виднелись надписи о том, что этот город находится вне зоны оккупации, и это не могло не радовать. Хоть где-то в этом мире была нормальная жизнь.

Я оказался на скамейке с беляшом в одной руке и эмалированной кружкой в другой. От горячего чая поднимался пар, а беляш был по-настоящему сочным и вкусным – что ещё надо для счастья мальчишке, прошедшему такой долгий и такой взрослый путь? Мимо сновали люди, одетые в цветастые брюки-бананы, «варёнки», дутые куртки кислотных цветов – казалось, что они сошли со страниц модных журналов времён СССР. Они оживлённо болтали, нарочито громко смеялись, как бы говоря: «Да, мы живём в свободном городе, и нам наплевать на всех».

Однако встречались и товарищи совсем иного рода: сгорбленные, одетые в поношенные вещи мрачных цветов, с тревогой в голодных глазах и отпечатком пережитого на лицах. Наверняка так выглядел со стороны и Марк.

«Это беженцы», – догадался я, рассматривая семью, расположившуюся на соседней скамейке. Мужчина в мятом сером плаще читал список, что висел на стенде, женщина, стыд-

ливо прикрывшись, кормила грудничка, а мальчик постарше с завистью смотрел на мой беляш. Рядом с ними стояли два больших чемодана.

Залпом допив чай, я привязал кружку к своему рюкзаку и подошёл поближе. Родители заметно напряглись, но, увидев, как я отламываю знатную половину беляша, вмиг успокоились, а их лица посветлели.

– На, – сказал я и протянул парню кусок. – Эришь. «Ешь».

Только получив одобрение в виде кивка от отца, мальчишка взял пирожок из моих рук. Поблагодарил и тут же принялся есть, крепко держа беляш грязными руками. Горячий жирный сок тёк по его подбородку, а глаза были благодарными, но в то же время какими-то позвериному дикими. Мне не хотелось думать, через что прошла эта семья, и я уткнулся в стенды со списками.

«Распределённые дети» – гласил заголовок.

Затем шёл длинный перечень фамилий. Меня охватила странная тревога; я принялся скользить глазами вниз по алфавиту и ощутил, как на букве «Г» моё сердце забилося с новой силой. Неужели я тоже был в этом странном списке?

Так и есть. «Гугения, Марк», – прочитал я. Знаете, как бывает, когда тебя вызывают к доске, а ты не готов отвечать или готов, но только не по этому вопросу? Сейчас я ощутил то же самое. Марк Гугения был в списке «распределённых детей», и почему-то мне это очень не нравилось.

Через пять минут я понял почему.

Молодая, вычурно одетая пара робко приблизилась к семейству беженцев.

– Вы семья Сорейн? – напевно поинтересовался мужчина у главы семьи. Диалект в свободном городе отличался от привычного Марку; слова звучали как-то развязно, отчего речь походила на припев из песни «Кабы не было зимы в городах и сёлах».

Получив утвердительный ответ, молодой человек достал из-за пазухи банкноты и, пересчитав, отдал их мужчине в мятом пальто.

«Ну мало ли какая у них сделка», – подумал я, но тут произошло нечто странное. Мать с невыразимой тоской в глазах протянула грудничка чужой женщине. Та взяла его на руки и тут же принялась тискать, отчего ребенок проснулся и захныкал. Старший мальчик сухо попрощался с отцом за руку и, взяв чемодан, нехотя встал рядом со своим новым... отцом?

Я хотел уйти или хотя бы отвернуться, но всё происходящее настолько шокировало, приковывало внимание своей несуразностью, что я буквально не мог сдвинуться с места.

Молодая девушка принялась щебетать, как хорошо она подготовилась к приёму детей и что в их семье им будет безопасно. Всё это время родная мать пыталась поправить сползший носочек на детской ножке, но руки слишком сильно дрожали.

На первый путь с дымом и грохотом прибыл поезд. Мне показалось, что он был чуть ли не вдвое больше наших поездов и, наверное, в сто раз уродливее. Откуда ни возьмись к нему хлынула толпа беженцев: усталые, нервные, больные, осунувшиеся. Мужчины и женщины забирались в вагоны и исчезали в них, не оглядываясь на перрон. Я заметил, что детей среди них не было, и наконец-то всё понял. Свободный город не мог вместить всех. Поэтому детей распределяют по семьям, тогда как их родные папы и мамы уезжают в неизвестном направлении.

Я ощутил небывалую тоску на душе, как в детстве, когда умерла любимая собака. Мне захотелось сесть на перрон и заплакать в голос от всей этой безысходности, но в этот момент пришли и за мной.

Это были уса́тый мужчина и очень низенькая женщина. Не такие молодые, как предыдущая приёмная пара, и не такие разодетые. Сдержанно поздоровавшись, они просто взяли меня за руку и повели. Я не знал, сколько минут мне осталось провести в теле Марка, но очень хотел домой.

«Назад!» – мысленно приказал я, в то же мгновение меня выдернуло из реальности, словно корнеплод из грядки. Первое, что я сделал, оказавшись дома, это взял инструкцию и жирным маркером сделал пометку напротив вселенной Марка Гугени: «Очень и очень жестокий мир».

Глава 3. Анлаф Прозак

Вопреки ожиданиям, произошедшее не выбило меня из колеи. Проспав до обеда следующего дня, я с новыми силами принялся за работу над книгой.

«Пора подумать об издательстве», – решил я, пролистав всё написанное. Навскидку можно было бы сказать, что готова примерно четверть книги; вряд ли крупные издательства захотят принимать «недоделку», но с маленькими конторами вполне можно будет договориться.

Следующие полчаса я штудировал Рустернет на предмет небольших издательств в своём городе, пока телефонный звонок не вернул меня к реальности.

К моему удивлению, звонила Вика.

– Не хочешь пообедать сегодня часика в два? – По телефону её голос был ещё более низким и бархатистым.

– Можно... Да, конечно, – ответил я. Было немного странно, что Вика позвонила первой, но кто я такой, чтобы динамить столь прекрасную особу?

Положил трубку и взглянул на часы: до обеда оставалось ещё порядочно времени, но мысль уже не шла. Спустя десять минут тупого сидения перед монитором я признался сам себе, что слишком взволнован, чтобы писать дальше. Взглянув в зеркало, я понял, что вовремя спохватился: не один час уйдёт на то, чтобы привести себя в божеский вид. К парикмахеру я, конечно, не успевал, но хотя бы с недельной щетиной надо было расстаться. Всё-таки не каждый день меня приглашали на свидания.

Мы встретились в том же заведении, что и в первый раз. И снова глубокие синие глаза Вики, а также её облегающая кофточка заставили меня забыть о своей «двойной жизни». После обеда (платили каждый за себя; так решила дама, и я не стал упорствовать) я решил сводить её в тихий сквер неподалеку, но судьба подкинула мне спонтанную проверку на прочность. Впрочем, такие проверки вряд ли когда-нибудь бывают запланированными.

У Вики зазвонил телефон. Я любил подпевать этим стандартным мелодиям, которые звучат сейчас на каждом шагу, но сейчас, разумеется, сдержался. Ещё не время было выпускать своих демонов.

– Ян, мне надо ответить, – обречённо и даже как-то зло сказала Вика.

Я кивнул и тактично присел на краешек стула. Разговор длился недолго, но когда девушка наконец повесила трубку, стало ясно, что наша прогулка отменяется.

– Мне надо ехать в больницу, – вздохнула Вика. – Семейные дела.

– Что-то случилось? – обеспокоенно спросил я. Вряд ли это было так: я неплохо читал по лицам и знал, что Вика скорее раздражена, чем расстроена. Создавалось ощущение, что какая-то обязанность мешает ей в полной мере наслаждаться жизнью.

– Нет, всё в порядке, – отмахнулась она, нервно откинув волосы. – Ерунда.

– Если хочешь, я могу поехать с тобой, – предложил я. Не то чтобы мне хотелось... просто это надо было сказать, если вы меня понимаете. Кто на втором свидании знакомит парня со своими родственниками? Да ещё и в больнице? Нет, невозможно. Я хорошо знал женщин и был уверен, что Вика откажется.

Вика согласилась, и я почувствовал себя не в своей тарелке.

Но это было ещё не провалом.

В такси мы ехали молча. Я чувствовал, что должен взять её за руку или как-то иначе выразить свою поддержку, но Вика сидела, отвернувшись, и через отражение в стекле я мог видеть её гневно сдвинутые брови.

«Сейчас что-то будет», – подумалось мне, когда машина подъехала прямо к приёмному покою. В какой-то момент я поймал себя на мысли, что хочу вернуться в свой уютный мирок, как если бы я был подключён к «НОМАДу».

Но никакого «назад» не было. Передо мной была самая что ни на есть реальная реальность. С больничными коридорами, навевающими тоску, с разбитыми мордами алкашей в приёмной, костылями, одиноко стоящими в углу, и синими бахилами, которые всё так же быстро рвутся, как и три года назад, когда я надевал их последний раз. Кажется, тогда я был на приёме у стоматолога.

Вика уверенно поднялась на второй этаж, прошагала по коридору до самого конца, громко стуча каблуками. Я молча следовал за ней; нет, этой девушке поддержка не требовалась – при желании я мог спрятаться за угол, и она не заметила бы, что я исчез.

– Здравсьте, Виктория Викторовна, – поздоровалась молодая медсестра и проводила нас взглядом.

А вот и конечный пункт – палата номер двести два. Просторная, но душная, пахнущая старушками, которым вечно дует из форточек. С дешёвыми романами и кроссвордами на прикроватных тумбочках, с маленьким телевизором в углу, который принёс кто-то из родственников и за который здесь наверняка велись битвы.

Вика надела мятый белый халат, висящий на вешалке.

– Ну здравствуй, сестричка, – устало произнесла Вика, присаживаясь на одну из коек. – Познакомься, это Ян. Мой друг.

На кровати сидела копия Вики. Копия в худшем варианте, если можно было так сказать. Если тело «моей» Виктории дышало здоровьем и молодостью, то её сестра походила на существо, из которого высосали все соки. Осунувшееся лицо, сухая кожа и следы от инъекций на локтевых сгибах, тусклые растрёпанные волосы и обкусанные ногти. Лишь глаза были всё ещё живыми и, в отличие от глаз сестры, – карими.

– Вика приехала, – с безмятежной улыбкой сказала она.

– Да, да, Вика приехала, – раздражённо повторила Виктория и обратилась ко мне: – Её зовут Анжелика, и она немножко... ну...

Кажется, я понял. Анжелика была не в себе.

– Вика привезла мне покушать? – спросила Анжелика, и я почувствовал, что мне здесь не место.

– Я подожду в коридоре, хорошо? – почти умоляюще произнёс я и, получив одобрение, выскочил из палаты.

– Доктор сказала, что ты не пьёшь таблетки. Почему, Лика? – услышал я голос Вики из-за двери. Уже не злой, участливый. Она была добрая. А ещё она назвала меня другом... Всё же я не зря поехал сюда.

Я прогулялся до конца психиатрического отделения. Изучил плакаты на стенах, нарисованные будто бы детьми, выпил воды из кулера. В глаза бросилась надпись, своего рода напутствие врачам-психиатрам: «Душа, даже если она заболевает, не перестаёт быть душой». А может, это напутствие родственникам больных? Должно быть, это нелегко, когда твои близкие...

– Ян! – Голос Вики прервал поток моих философских мыслей о больной душе. – Всё, можем ехать.

Вика не стала делать вид, что ей неловко из-за сестры. И это было замечательно. Больше всего мне не хотелось мучительно-долгих пауз.

– Периодически я должна навещать её, – объяснила она, когда мы вышли из больницы. – Иногда это напрягает, но всё же она моя сестра.

Поддавшись порыву, я взял Вику за руку. Мы шли через сквер, и жёлтые листья кружились, взлетая с такого же жёлтого ковра на земле. Было неожиданно хорошо, и я сам не заметил, как наши лица оказались слишком близко друг к другу.

«Да или нет?» – промелькнуло в голове, но Вика сама нашла решение. Она потянулась навстречу, и мы поцеловались.

«Пусть будет так», – подумал я, испытав едва ощутимое сожаление оттого, что внутри всё осталось спокойным. Искры не проскочило, если выражаться избитыми фразами. Но моя дама, похоже, осталась довольна.

Наконец-то дом. Наконец-то родное кресло с кожаными подлокотниками (сейчас я всегда проверял наличие этой самой кожи, в глубине души боясь оказаться в чужой вселенной). «НОМАД» приветливо мигнул зелёным огоньком, и я с наслаждением взял его в руки.

«Главное, не превратиться в фетишиста, круглыми сутками сидящего в четырёх стенах», – сказал я себе и по привычке примотал датчик к голове дурацкой лентой.

К этому моменту я побывал в теле Марка, наверное, раз десять. Я хорошо знал, что мне нужно делать, и именно эта уверенность в конце концов и привела к дальнейшим последствиям.

«Во время каждой сессии отчетливо концентрируйтесь на мире, в который хотите отправиться», – так гласила инструкция.

То ли я слишком расслабился, возомнив себя опытным «ходоком», то ли события сегодняшнего дня наложили отпечаток на моё подсознание, но дальше всё пошло не так. Как сказал бы Сигмунд Фрейд, мой бессознательный страх стал моей мотивацией. С детства я испытывал неприязнь к больницам и неосознанно позволил мозгу сделать неправильный выбор.

«НОМАДу» не оставалось ничего, кроме как послушаться меня.

На этот раз я очнулся не Марком Гугенией. Всё было хуже, намного хуже: я очнулся в больничной палате.

Жить моему очередному воплощению оставалось недолго. Я ощутил это с первым вдохом: он давался тяжело, словно воздух проходил через узкую трубочку с множеством клапанов.

Мое тело находилось словно внутри пузырька с воздухом. Знаете, такие, из упаковки, которые очень приятно лопать, давя пальцами. Сквозь полиэтилен ко мне шли многочисленные трубочки и зонды: катетеры в вены, кислород в нос и ещё чёрт знает что. Хуже всего было то, что ноги абсолютно не подчинялись мне, а руки... Боже мой, руки были покрыты отвратительными влажными язвами!

Я умирал. Умирал от не излечимой в этом мире болезни. Должно быть, подсознательные мысли о больнице повлияли на выбор реальности, и из всего многообразия вселенных я оказался здесь: с трубкой в заднице, парализованными ногами и считанными часами до последнего хриплого вдоха.

Я хотел было вернуться, но вдруг ощутил прилив странных ощущений. Переживаний моего воплощения, которыми он хотел поделиться, как эмигрант, раздающий свои вещи перед путешествием в один конец.

Тоска по своей семье и несбывшимся мечтам нахлынула на меня, вырвав еле слышный протяжный стон. Никогда в жизни я не испытывал такую душевную боль, какую ощущал этот

парень. Сквозь целлофан были видны фигуры спящих туда-сюда врачей, но они, как и весь мир, давно поставили на нём крест.

Говорят, в момент смерти человек вспоминает свою жизнь. Именно это и происходило с моим воплощением, за исключением того, что он был всё ещё жив. Фармацевт по имени Анлаф Прозак, тридцати трёх лет от роду. Наверняка он заразился на работе, когда смотрел за такими же «целлофановыми» больными. Когда однажды решился расстегнуть защитный костюм... Грёбаная интеграция!

Я закрыл глаза, чтобы не видеть, как пинцет сдирает с моего запястья кровоточащую коросту. Зачем они продолжают брать образцы? Чтобы найти лекарство?

«Чтобы вырастить новое тело для твоей жены и детей, – сознание услужливо подкинуло правильный ответ. – Оно будет готово раньше, чем ты умрёшь».

Всё... с меня хватит. Я не готов к такому, я больше не хочу.

«Назад. Назад, я сказал!» – мысленно взревел я. И тут же проснулся в своём кабинете.

На этот раз путешествие нанесло серьёзный удар по моей психике. Я остановил работу на несколько дней и смотрел мрачные фильмы, чтобы ещё сильнее опуститься на дно. Деньги на счёте подходили к концу, книга была заброшена, а «НОМАД», лежащий на столе, медленно покрывался пылью. Я был настолько опустошён и подавлен, что в какой-то момент принялся искать в доме сигареты, забыв, что бросил курить два года назад.

«Его жизнь закончилась, *ego*, а не твоя», – говорил я себе снова и снова, но ничего не мог с собой поделать. Чувство пустоты и бессмысленности всего происходящего накрывали меня, словно цунами.

А потом я взял и позвонил Вике. Всё-таки мы с ней поцеловались, а ещё её номер был последним в списке вызовов.

– Привет, – сказал я и не узнал свой голос: таким опустошённым он был. – Не хочешь прогуляться?

– А ничего, что уже одиннадцатый час? – язвительно ответила Вика, и я понял, что дело было вовсе не в позднем времени. Я обещал позвонить, но с тех пор прошло уже полторы недели. Женщины такого не переносят.

– Прости. Правда, прости. – Я хотел было повесить трубку, но перспектива вновь остаться наедине со своими мыслями заставила гордость заткнуться. – Если честно, мне очень хреново.

Я вызвал такси и приехал в парк возле её дома. Полночи мы гуляли, разговаривая о незначительных вещах. Как ни странно, это помогало. Воспоминания о медленной и унижительной смерти внутри целлофанового мешка отступали, как отступает тревожный сон вместе с рассветом.

«Это была ошибка, разовый промах», – говорил я себе и почти верил в это. Тут речь зашла о моей новой книге, и я с оживлением принялся пересказывать сюжет.

– Всё это так необычно, – заметила Вика. – Откуда ты берёшь эти идеи?

Знаете, какая самая мучительная вещь на свете? Иметь секрет и не иметь возможности им поделиться. Я очень хотел рассказать Вике о «НОМАДе», Марке и Анлафе Прозаке, но что-то подсказывало мне, что тогда нашим отношениям крышка. Вика была из тех людей, которые твёрдо стоят на ногах. Слишком твёрдо, чтобы поверить в воплощения и путешествия между мирами. Поэтому я просто улыбался и говорил, что сам всё придумал. Такой вариант вполне устраивал нас обоих.

Наше спонтанное ночное свидание закончилось тем, что Вика уснула у меня на плече. Мы сидели на скамейке, что притаилась в тени аллеи на проспекте, и первые солнечные блики скользили по нашим лицам. Было утро понедельника, и ленивые автобусы с сонными пассажирами тихонько плелись по своему маршруту. Я понимал, что должен разбудить Вику, чтобы она не опоздала на учёбу, но уходить так не хотелось. И дело было даже не в близости очаровательной молодой девушки – я чувствовал, что снова живу, и это было прекрасно.

Неожиданно мое расфокусированное зрение зацепилось за что-то на противоположной стороне проспекта. Знакомое слово запустило во мне целую бурю переживаний, и если бы не Вика, доверчиво дремавшая где-то в области подмышки, я наверняка вскочил бы с места.

«Издательство "Вектор"» – гласила вывеска на невзрачном сером здании. Несомненно, я слышал о нём, единственном крупном издательстве в Ростовой. Так почему же я до сих пор не отправил туда рукопись? Может быть, это знак?

Вскочив с места, я начал трясти Вику, чтобы она поскорее проснулась. Да, я выглядел полным болваном, запихивая девушку, которая провела со мной ночь, в маршрутку до универа, но против своей интуиции, которая выла, словно банши, не мог устоять. Очнувшееся ото сна чутьё подсказывало мне, что самое важное сейчас – это отправить фрагмент книги в «Вектор». И сделать это нужно было сегодня и как можно скорее.

Вернувшись домой, я не стал тратить время на душ и обед: со скоростью стенографиста я накатыл синопсис и аннотацию и отправил отрывок по указанному адресу. Всё, казалось бы, можно было выдохнуть. Но нет. Телефонный звонок раздался минут через пятнадцать.

Должно быть, сегодня и правда был мой день, потому что бодрый голос на том конце провода произнёс:

– Монастырский? Это вы только что отправили отрывок из книги... как же её?

– «Оккупанты». Да, это я, – отчётливо проговорил я, обливаясь потом.

– Знаете, что я вам скажу? – Собеседник явно торопился. – У книги есть потенциал. Продолжать планируете?

– К-конечно, – запнулся я. – Я уже... ну то есть...

Здесь я сделал паузу и мысленно обругал себя за полнейший идиотизм.

– Вам повезло, молодой человек, – ответил мужчина. – План на ближайшие два года уже сформирован, но я сегодня последний день работаю – почему бы не дать вам шанс? Внесу вас в список на май, если, конечно, успеете закончить до первого октября.

Первое октября было чуть больше, чем через два месяца! Смогу ли я закончить книгу так быстро?

– Я успею, – уверенно сказал я своему таинственному покровителю.

– Вот и отлично. – Собеседник хмыкнул. – Приезжайте в издательство часа в два. Подпишем договор, и получите аванс.

Мы попрощались, но я ещё долго вслушивался в тишину в трубке. Неужели всё это происходит со мной?

Аванс оправдал мои ожидания. Он не был большим, но это и понятно: кто поставит на новичка крупную сумму? И всё же этих денег должно было хватить на два с половиной месяца приличного существования. Вопрос был в другом: хватит ли у меня запала довести до конца ещё совсем сырую книгу? Что будет, если Марка убьют, и лавочка гениальных идей прикроется? Я старался не думать об этом. Сейчас у меня было главное – договор с издательством, эта мечта миллионов пишущих в стол графоманов, которую мне так легко подарила судьба. И я не должен был, нет – не имел права! – взять и профукать этот шанс.

Итак, цели были ясны, а приоритеты расставлены. Пора было смахнуть пыль с «НОМАДа» и узнать, как там дела у Марка.

На этот раз я чётко представил его реальность, а также те ощущения, которые испытывал в теле мальчонки: лёгкость принятия решения, живость, любопытство, способность удивляться. Весь тот набор эмоций, доступный лишь в детстве и крайне редко – во взрослом возрасте. Несмотря на сложное положение, Марк был счастливым, и это состояние передавалось и мне.

Я не ошибся с миром. Скажу больше, с тех пор я никогда не ошибался, так как научился точно формулировать свои запросы. Случай с реальностью Прозака многому научил меня, в

том числе и тому, что моя нынешняя жизнь далеко не так плоха, как мне иногда казалось. Я не ошибся с миром, но слегка удивился, обнаружив себя за ленточным конвейером.

Несколько минут понадобилось мне, чтобы вспомнить «предыдущую серию». Ах да, Марка отдали распределённым родителям. Значит, теперь он находился в свободном от внешней оккупации городе и... собирал детали?

Признаться, я испытал некое разочарование. Моё чутьё, интегрированное с личностью Марка, подсказывало, что я тут не первый день. Как долго это продлится? Если я буду прозябать на заводе, какой прок от этого будет для книги? Где же пришельцы, где межпланетные конфликты? Я стоял и смотрел, как по ленте бегут железные болванки, а в душе мечтал, как тогда, убежать от смертоносных слизистых капель.

«Это не твоя жизнь, не забывай, Ян», – напомнил я себе. Безусловно, для мальчика было лучше оставаться в безопасном месте...

Удар в челюсть быстро вернул меня с небес на землю. В самом прямом смысле. Я упал на пол, ощущая реальную боль в черепе, доселе не тронутом ни одним кулаком в мире.

– Работай, беженец! – рявкнул ударивший меня худощавый паренёк в кепке. На самом деле он употребил другое слово, нечто среднее между «вонючий раб» и «сбежавший от соседей таракан», но аналогов в ростовийском языке я не нашёл.

Я лежал на полу совершенно растерянный, и лишь детали на моём конвейере продолжали медленно ползти под завесу резиновых шторок.

Парень остановил ленту и рывком поднял меня с земли. Он был выше Марка на две головы и, судя по всему, пользовался авторитетом среди остальных: краем глаза я заметил обращённые на меня сочувствующие взгляды.

– Переделай тут всё, щенок! А то останешься без обеда, – процедил он мне в лицо. Вместо «щенка» он тоже употребил другое слово, но оно было настолько унижительным, что я снова не смог подобрать аналогов.

Понятно. Значит, Марк стал жертвой буллинга. Я встал за конвейер, понятия не имея, что мне нужно делать. Огляделся по сторонам: девочка в платочке, повязанном на манер банданы, ловко брала одну болванку с ленты и проверяла её пригодность при помощи небольшого пистолета. Когда над деталькой загорался зелёный огонек, она клала её обратно, и всё повторялось по новой.

Заметив, что я смотрю на неё, девочка едва заметно улыбнулась и кивнула на ленту – мол, работай, а то опять отхватишь.

В цехе нас было человек двадцать, не меньше. Часть производства была автоматизирована: большие роборуки делали то, что человеку было не под силу. Возле чёрного входа курили «деды», как я мысленно назвал их. Группа парней и девушек дерзкого вида, в числе которых, разумеется, был и тот самый тип, что ударил меня. Большинство работников были беженцами, за исключением той самой девочки и двух мальчишек моего возраста. Откуда я знал это? Это знал Марк; я лишь чувствовал своеобразный «запах гари», исходящий от беженцев. Переселенцы бежали от войны, из мест, где господствовали *иные*, и это наложило на них отпечаток.

За несколько сессий я освоился. Детали, которые мы, дети, собирали, были фрагментами летательных аппаратов, которые Югорыча (так назывался свободный город) поставляла на фронт. Так что с натяжкой можно было сказать, что я тоже внёс свой вклад в войну с оккупантами. В перерывах ребята пытались расспрашивать о том, как я выжил и оказался здесь, но я предпочитал отмалчиваться, и от меня вскоре отстали. Гнедас, тот самый местный «авторитет», больше не махал кулаками, но каждый раз, проходя мимо, окидывал меня презрительным взглядом.

– Мне кажется, или он меня за что-то ненавидит? – спросил я у Аги, девочки в косынке.

– Гнедас недолюбливает всех переселенцев, потому что они едят нашу еду и занимают место, предназначенное для нас, – честно ответила Ага. – Но ты прошёл через огонь и воду и всё равно не помер. Здесь все знают твою историю. Гнедас просто завидует.

«Как можно завидовать тому, что пережил Марк? – подумал я. – И всё-таки мне повезло с воплощением. А то мог оказаться каким-нибудь Гнедасом».

Шли недели, но ничего не менялось. Я работал на заводе, иногда болтал с Агой, которой явно нравился, а втайне мечтал, чтобы пришельцы добрались и до Югорычи, ибо время, отпущенное мне на книгу, неумолимо истекало.

К своему позору, я не мог сочинить достойного продолжения. Все идеи, которые я испробовал, были либо избиты, либо не вписывались в общую картину описанной вселенной. Марк Гугения не был тем самым архетипическим героем, который объединяет вокруг себя армию сопротивления. Не был он и героем-любовником в силу своего возраста. Всё то грандиозное, что он мог сделать в рамках книги Яна Монастырского, – это по-стахановски закончить годовую норму деталей за несколько месяцев.

Я начал относиться к своей работе халатно, и Гнедас снова докопался до меня, на этот раз вместе со своими друзьями. Его речь изобиловала местным сленгом, поэтому моему мозгу приходилось проделывать огромную работу, чтобы переводить то, что он говорит. Я тормозил, и Гнедас бесился ещё сильнее.

– Эй, рыбёшка! – кричал он, всякий раз заведя меня. Оказалось, что фамилия Марка переводится как «рыба». – Не хочешь немного поплавать?

После этого Гнедас под дружное гоготание своих друзей поливал меня кипятком, опрокидывал прямо под ноги помойное ведро или выливал стакан компота за шиворот. Я молча выносил всё это, боясь сделать хуже Марку... хотя кого я обманываю? Я никогда в своей жизни не сталкивался с травлей и считал, что в моём возрасте учиться уже поздно. В надежде, что Марк сам как-нибудь справится с буллингом, я молча проглатывал все унижения, хоть и чувствовал себя донельзя паршиво.

– Почему ты не поставишь его на место, Марк? – спросил как-то мой приятель по имени Нетачин.

– А я что, могу? – удивился я.

– Разумеется. – Нетачин фыркнул. – Где ты и где этот отморозок Гнедас. Он всю жизнь просидел в Югорычи и даже пороку не нюхал. А ты...

Да-да, я уже понял, что был местной непризнанной звездой. В тот момент мне и в голову не пришло, что «приятель» может подначивать меня, чтобы увидеть нашу схватку с Гнедасом. Дело было в том, что в последнее время меня мало что интересовало. Краем уха я подслушал, что угнетатели заняли ещё два города на востоке и теперь со всех сторон стягивают свои корабли к Югорычи.

Я прислушивался к каждому грохоту за дверью завода. Любой крик, любой звон колокола на площади заставлял сердце биться чаще. «Вот сейчас точно», – думал я, словно пассажир самолёта, который каждую турбулентность принимает за начало крушения. Но грохот растворялся в монотонном гуле конвейеров, и я принимался ждать нового случая.

Тем временем в реальном мире появилось ещё одно обстоятельство, тормозящее мою писательскую деятельность. Милое такое обстоятельство по имени Вика. Несколько раз в неделю мы ходили куда-нибудь: на выставки, в кино, кафешки, один раз даже съездили на пикник. Мы очень приятно проводили время, и я говорил себе, что наши отношения почти идеальны: Вика не требовала подарков, не ревновала, могла даже заплатить сама за себя. Она была без ума от меня, а я... послушайте, когда девушка без ума от тебя, разве надо что-то ещё?

Но каждый раз, когда она предлагала мне встретиться или я звонил ей, решив, что «пора», совесть в лице Марка Гугении говорила мне: «Эй, брат, а не боишься пропустить что-то интересное?» Всякий раз после свидания я хватался за «НОМАД» и проверял, что там с моим воплощением. Обычно Марк безмятежно спал или работал на заводе, и голос моей совести на время успокаивался.

Порой мне казалось, что я должен рассказать обо всём Вике. Возможно, тогда она поймёт, почему иногда мне нужно пораньше уехать или провести эти выходные дома. Но я не мог подобрать нужных слов.

«Вик, ты знаешь, есть один мальчик, за которым мне надо приглядывать. Кстати, это я сам». Фраза, достойная клиента психбольницы. И всё-таки я знал, что рано или поздно этого разговора не избежать. Я не ошибся.

В этот день всё шло как обычно: Марк стоял у конвейера, а набившие оскомину детальки медленно ползли из одной бесконечности в другую. Бывало, что от многочасовой работы перед глазами всё сливалось, и лента с болванками превращалась в уроборос – змею, кусающую себя за хвост. Вскоре я услышал несколько возгласов во дворе, но почему-то не придал им значения. И только когда крики людей стали громкими и настойчивыми, я встрепенулся. «Началось!»

Рабочие уже бежали к дверям. Пробившись вперёд, я высунул лохматую голову на улицу, но тотчас же чья-то рука ухватила меня за ворот рубашки. Разумеется, это был Гнедас.

– На место! – сквозь зубы прошипел он и отбросил меня назад. – Всем занять свои места!

В эту секунду зазвонил колокол на площади. Три коротких удара, что означало интервенцию.

Крики во дворе слились в единый вой. Где-то разбилась витрина, испуганно заржала лошадь.

– Гнедас, это они, – спокойно сказал парень с забинтованной рукой. – Пора уходить.

Взгляд «авторитета» с ненавистью скользил с одного лица на другое. Гнедас понимал, что его власть здесь закончилась: перед лицом реальной угрозы народ ничего не побоится и растопчет его как насекомое. Он молча сплюнул себе под ноги и дёрнул за рычаг всеобщего оповещения. Зазвенел звонок, точно в школе, и рабочие принялись покидать здание завода через запасной выход.

Моё запястье обхватили чьи-то холодные пальцы. Это была Ага.

– Давай держаться вместе, – попросила она, и я неуверенно кивнул. Сейчас, когда началась долгожданная заваруха, мне не нужна была обуза. Но я не мог оставить ту, которая нуждалась во мне.

Было волнительно. Как перед экзаменом или важным мероприятием, к которому ты готовился не один месяц. Мы дождались своей очереди на выход и бросились бежать. Ага предложила идти к вокзалу, но я не мог просто так слинять. Кто знает, когда ещё выпадет возможность увидеть интервентов?

– На главную площадь, – сказал я и потянул девочку за собой.

Мы влились в поток бегущих людей, и я запоздало понял, что больше не перевожу их речь на автомате. Крики вокруг снова превратились в голубиное курлыканье, на этот раз агрессивное, отчаянное.

– Эрлен турлен га! – пророкотал мужчина, в которого мы с размаху врезались. Наверное, он был недоволен, но точнее я не мог сказать: способности полиглота исчезли.

– Марко! Оллонго триел са! – крикнула Ага и указала в небо. Всё было понятно без слов. Огромный плоский блин скользил над площадью, снося шпили самых высоких башенок. Отсюда, с земли, было видно, как работают на «тарелке» многочисленные механизмы, какие-то паровые двигатели, вентиляторы, искрят молнии, как в катушке Тесла. Мой внутренний писатель затанцевал от счастья: ещё никогда в своей жизни я не видел более причудливой технологии.

Но, как назло, в этот самый момент моя сессия закончилась. Подача тета-волн остановилась, и меня вырвало из этой реальности точно овощ из грядки.

– Нет, нет, нет! – Я с силой ударил в подлокотники, отчего кресло жалобно скрипнуло. К моему разочарованию, нельзя было запустить очередную сессию немедленно: чтобы попасть в другой мир, необходима была перезагрузка, а это как минимум пять минут.

Ещё никогда время не тянулось так медленно. Я грыз ногти, я ходил по комнате, точно лев в клетке, и изо всех сил надеялся, что не пропущу чего-нибудь этакое. Но больше всего я боялся, что Марка убьют. Просто потому, что тогда и мне будет крышка.

«НОМАД» мигнул зелёным огоньком, и я молниеносно оказался в кресле. Вдох через нос, выдох через рот, концентрация на нужной вселенной... Поехали!

Кое-что я всё-таки пропустил. Не знаю как, но Гнедас подкараулил меня и теперь тащил куда-то за шкуру. Голова сильно болела, а из носа текла кровь: должно быть, этот мерзавец разбил его.

Аги не было поблизости, а те редкие люди, что попадались навстречу, предпочитали не вмешиваться в дела «съехавшего» типа, который решил напоследок прикончить ненавистного парнишку. Возможно, я чего-то не знал и конфликт между ними был гораздо глубже, но теперь это было неважно. Уже не пришельцы, а какой-то псих собирался убить меня, и это мне крайне не нравилось.

Я принялся брыкаться и вырываться, точно зверь, которого хотят посадить в клетку. Но, как ни крути, Гнедас был сильнее, несмотря на весь мой пыл.

– Отпусти! Отпусти, ублюдок! – орал я, не знаю уж на каком языке. – Я должен это увидеть! Должен!

Но Гнедас ухватил мою голову на манер гильотины: в таком положении не то что говорить – даже дышать было проблематично. Под моё гневное сопение мы проделали путь от городской площади до каких-то обветшалых дворов. Из одного подъезда выбежала семья с двумя детьми и горой чемоданов. Они спешно принялись размещать своё барахло в багажнике, но корзина с котом никак не хотела помещаться, после чего её решили бросить.

На нас никто, разумеется, не обратил внимания.

Увидев, куда эта гнида тащит меня, я что есть силы замотал головой. Мой кадык устремился в направлении позвоночника, вытаращенные глаза готовы были лопнуть, а из горла послышался страшный рык удушаемого животного. Гнедас тащил меня к мусорным бакам, намереваясь скинуть в один из них.

– Нет! Нет! – пытался кричать я, но получалось только: – Грхе-е, грхе-е...

Спустя несколько секунд я очутился внутри омерзительного, пахнущего помоями чрева. Парень швырнул меня в один из баков и закрыл крышку, а сверху навалил кирпичей, так, чтобы я не смог выбраться. Единственный плюс: я мог снова дышать, хоть воздух здесь и был пропитан блевотиной до рези в глазах.

Я услышал телефонный звонок. Не здесь, в своём сознании, точнее, в своей реальности. Это было так странно, что в какой-то момент я просто уселся в кучу влажных помоев и принялся вслушиваться в странный звук, доносящийся из собственной головы.

«Это из издательства, точно из издательства», – почему-то подумал я. И совершил страшную непоправимую ошибку. Я скомандовал: «Назад».

Звонила Вика.

– Ян, привет, мы могли бы встретиться сегодня вечером? – как всегда, не дожидаясь моего ответа, выпалила она.

– Нет.

– Нет?

– Нет, – повторил я. Чёрт возьми, что же я делаю?!

Я швырнул телефон на диван и кинулся к «НОМАДу». Дьявол, как я и думал: сессия завершилась, и теперь устройство вновь надо было перезапускать.

И снова пять минут показались мне целой вечностью. Ну надо же! Два таких нелепых выброса именно сегодня! Я ругал Вику последними словами, потому что, если бы не она, я бы... Уж не знаю, как минимум, остался бы в куче помоев, но зато в нужной реальности.

Когда прибор был готов к работе, я уже сидел в кресле с лентой на голове. Но моя радость была недолгой. Мир не пустил меня. Вот так просто. Я сделал десять попыток, потом двадцать, но снова и снова наталкивался на невидимую стену. Черноту. Меня выносило обратно в свою реальность, словно Марк...

Нет, боже мой, только не это! Чуть ли не плача, я принялся листать инструкцию... Так, где-то это точно было...

«Ошибка № 380: мир не пускает вас. Вероятная причина № 1: гибель воплощения».

Сегодняшний день поистине был провалом.

Я сидел на полу и плакал от бессильной злобы. Я разбил телефон и хотел было разбить «НОМАД», но остатками здравого смысла понимал, что он мне ещё пригодится.

А ещё мне было жаль Марка. Я надеялся, что он умер быстро: от кислотных капель или от ослепительной, уничтожающей всё живое вспышки, которую он даже не увидел бы, потому что сидел в мусорном баке.

Выпив три чашки кофе и съев две таблетки парацетамола, я подсчитал то, что осталось от аванса. Двадцать тысяч рублей. Даже если я займу у друзей, мне всё равно не отдать издательству то, что я уже потратил. Нужно было дописать книгу во что бы то ни стало.

Глава 4. Варны

Колония «Райская обитель»

Часы РУТ-81 и ТиТ-5 запиликали одновременно.

– Боже мой, уже столько времени! – ТиТ-5 вскочил с камня.

– «Божимой» – что это значит? – удивилась его напарница, всё ещё зачарованная рассказанной историей.

– Это значит, что нам хана, если не улетим вовремя, – пояснил андроид, глядя на уходящее в закат солнце. Оставался ровно час до момента, когда оба светила этой планеты сядут, и тогда вместе со звенящим холодом придут ночные обитатели, которые стащили у варнов уже не одного мусорщика.

– Божимой, божимой, – пробормотала себе под нос РУТ-81 и, поднеся к уху коммуникатор, произнесла: – Лети сюда, Верзила!

Верзилой звали здорового робота-копателя. Такие полагались каждой команде мусорщиков: они делали грязную работу вроде раскопки подземных шахт, а также поднимали из – под слоя пыли то, что андроидам поднять было не под силу. Обычно копатели были безликими, обделёнными интеллектом машинами, когда-то давно вышедшими из-под станка одной большой партией, но РУТ-81 и ТиТ-5 повезло. У них был Верзила – особенный грузчик со своим именем.

– Не могу засечь ваши координаты, РУТ-81, – доложил грузчик. – Приступаю к визуальному поиску.

– Что ты несёшь?! – выругался ТиТ-5. Не имея точных координат, высматривать двух мусорщиков в огромной выжженной пустыне – всё равно что искать иголку в стоге сена.

– Ладно, ладно, я пошутил. Я вас вижу, – серьёзно сказал Верзила. Если бы он мог усмехаться, то непременно сделал бы это.

ТиТ-5 и РУТ-81 переглянулись: для простого грузчика у Верзилы был слишком высокий уровень юмора. Довольно специфического, надо сказать. ТиТ-5 взобрался на обломок наполовину засыпанного песком летательного аппарата и взглянул вдаль. Линзы в его глазах еле слышно щёлкнули – взгляд мусорщика фокусировался на горизонте.

– Вижу. Летит на всех парах, – доложил он, прищурившись. Верзила нёсся навстречу в облаке красно-коричневой пыли, которую выбивали из земли его лопасти.

Варны частенько жаловались на эту пыль: мол, забивает нос, глаза слезятся, а после пребывания на поверхности во рту горьковато-солёный привкус. Как у крови. Что ж, варнам виднее, они органические существа и питаются сырым мясом. Организм андроидов усваивает только энергопунш, а их вкусовые рецепторы не рассчитаны на гастрономические изыски. Можно выбрать шоколадный, клубничный или банановый вкус энергопунша, вот только как ТиТ-5 ни старался, так и не смог вспомнить, какой из них какой.

– Писатель, я хотела бы услышать продолжение рассказа, – сказала РУТ-81, прислонившись к обломку. Андроид с сомнением покачал головой. Варны не поощряли неформальное общение между мусорщиками, но ему самому хотелось закончить историю, так что...

– Попробуем встретиться сегодня вечером, – наконец сказал он.

Верзила порадовал хорошими новостями: сегодня он расчистил от завала несколько этажей крупного здания, и уже завтра они могли приступить к обыску. Но сейчас пора было возвращаться на корабль, и андройды, устроившись на спине у грузчика, словно наездники на чешуйчатой спине дракона, оставили место раскопок остывать под последними лучами солнца.

– Гони к челноку, Верзила, – сказала РУТ-81. – Через десять минут здесь будет очень холодно.

– Слушаюсь. В крайнем случае можете распороть мне брюхо и переждать холод в теплоте моего чрева, – на полном серьёзе предложил робот. Хотя на другую интонацию его голосовые связки были просто не способны.

– Кто научил тебя всему этому? – удивился ТиТ-5.

– Ха-ха-ха. – Металлический голос робота прозвучал устрашающе. – Что, если я скажу, что вы не первые мои рабы?

– Хватит на сегодня остроумия, Верзила. – РУТ-81 постучала по его цилиндрической башке.

ТиТ-5 хмыкнул себе под нос. Ну надо же: Верзила знал эпизод из известного фильма. Неужели здесь когда-то были люди из его, Яна Монастырского, первоначального мира? А может быть, даже из Ростовии? Нет, бред. Вероятность этого ничтожно мала, все равно что двум муравьям повстречаться в бескрайнем космосе. А может быть, Джордж Нукас и его «Галактические войны» популярны и в других реальностях тоже? Надо будет порасспрашивать у мусорщиков.

В «Райской обители» не принято рассказывать о своих мирах. Каждому отбывающему наказание преступнику было проще думать, что пуповина, связывающая его с прошлым, навсегда разорвана. Нет пути домой – и точка. И только ТиТ-5 и РУТ-81 принялись беречь свои раны, пустившись в воспоминания.

Челноки стягивались к кораблю, стоявшему на орбите. Это был огромный муравейник, состоявший из множества уровней, доков, грузовых и жилых отсеков. Ещё никогда ТиТ-5 не удавалось осмотреть корабль целиком – настолько огромным он был.

Его построили варны – владельцы мусорщиков, торговцы, чья планета находилась в десятках световых лет отсюда. «Райская обитель» хоть и была основательно загажена, открывала поистине безграничные возможности для промысла. Родий, платина и другие элементы, содержащиеся в предметах быта почивших обитателей планеты, стоили невероятных денег. Именно поэтому варны надолго обосновались на здешней орбите. Ну а мусорщики... мусорщики работали на них, параллельно отбывая наказание за совершённые межпространственные преступления. ТиТ-5 слышал, что существуют и другие колонии в иных, более агрессивных реальностях, но считал, что ему повезло, вовсе не поэтому. Здесь была РУТ-81.

– Что ж, хорошего вечера, Пис... ТиТ-5. – Женщина-андроид похлопала его по плечу. – Ударно поработали сегодня!

Вообще-то нет, но двое варнов стояли поблизости, поэтому пришлось немного приврать.

– Да, доброй ночи, РУТ-81, – ответил ТиТ-5. – Увидимся завтра.

Нужно было сделать вид, что они расходятся по корпусам, как это и полагалось по протоколу. Андройды женского и мужского пола жили отдельно, хоть и не имели внешних отличий по половому признаку. Кстати, как и варны.

Представьте себе двухметровых откормленных лягушек с мощными задними лапами и слабыми передними. Получилось? А теперь добавьте к этому образу длинный балахон на манер персидского халата и высокую торбу на голове. Именно так и выглядели эти торговцы-кочевники. В своём мире они были высшей кастой, поэтому ко всем остальным формам жизни относились с терпеливым снисхождением. До мусорщиков особо не докапывались, кроме разве что некоторых варнов, мечтающих получить повышение по службе.

– Чтобы сказать «пока», нужно не больше двух секунд, – раздался за спиной у андроидов гнусавый голос Ларса. – А ну живо по корпусам!

Два раза повторять не пришлось: РУТ-81 и ТиТ-5 быстро разошлись в разные стороны. Подполковник Ларс был одним из самых неприятных типов на корабле. Мечтая выслужиться, он пуще всех остальных следил за дисциплиной и, разумеется, регулярно находил нарушителей протокола.

«Главное, не давать ему повода подозревать нас», – думал ТиТ-5, проходя в моечную капсулу. Это была ежедневная процедура после работы «в поле»: специальный раствор очищал от пыли синтетическую кожу киборгов, после чего она покрывалась масляным бальзамом. «Интересно, сколько стоит моя жизнь?» – думал ТиТ-5, втирая в кожу остатки масла, пахнущего ненатуральной хвоей. Варны заботились обо всём, что было связано с телами мусорщиков: обеспечивали питание и отдых, условия труда и гигиену. Но любому существу, обладающему разумом, нужно кое-что ещё.

Общение и дружба разрешались, но не поощрялись. Из развлечений здесь были только фильмы один раз в неделю, и то скорее технического, чем художественного содержания. Например, про бурение скважин. Хотя, возможно, лягушки думали, что это интересно.

Книг здесь не было, к величайшему сожалению Писателя. Даже инструкцию по безопасности им каждое утро зачитывал бестелесный женский голос. Дикторша съедала окончания слов и неправильно ставила ударения. Поначалу это жутко бесило Писателя, но потом он начал повторять за ней ради забавы:

– КаждОму мусОрщик полАгается носит солнцезащит Очки в днЕвное врем.

Вечером был другой голос, мужской. Он говорил правильнее, и это не так резало уши. А ещё он желал спокойной ночи. ТиТ-5 хотел бы, чтобы спокойной ночи желала девушка, но это было так же невозможно, как изменить орбиту Луны. Лучше было даже не подходить к варнам с таким вопросом: они либо не поймут, либо вкатят смену вне очереди.

«19:30 – возвращение в отсек» – есть!

«19:35 – мойка» – есть!

«19:59 – приём энергопунша» – есть!

ТиТ-5 обозначал выполненные действия в электронном журнале. Следующий час был отведён на любой из доступных видов досуга: фильм (строка была неактивна, значит, сегодня фильм посмотреть не удавалось), коммуникации в фойе (должно быть, варны имели в виду «общение») и одиночество. Последний вариант был просто идеален для интровертов. Три года назад ТиТ-5 без раздумий выбрал бы его, но времена меняются. Ещё никогда его так не тянуло к простому человеческому общению, как сейчас, когда он фактически перестал быть человеком.

Андройды-мужчины и андройды-женщины обитали на разных половинах корабля. Их фойе для «коммуникаций» не сообщались между собой, а это означало, что проводить свободное время вместе они не могли. ТиТ-5 не понимал, почему варны запрещали неформальное общение между представителями противоположного пола, ведь «в поле» они всё равно работали вместе. Ладно, должно быть, это одна из тех лягушачьих штук типа фильмов про бурение. Разным видам никогда не понять друг друга.

Но запретный плод был сладок, поэтому сегодня Писатель собирался проникнуть на женскую половину.

«Чтобы закончить рассказ, разумеется», – говорил он себе.

Отметив в журнале, что он собирается провести досуг-час в одиночестве, Писатель отправился на вылазку. Он прошёл фойе насквозь, стараясь не контактировать с другими мусорщиками, которые, развалившись в креслах, играли в отупляющие игры типа костей или «Камень-ножницы-бумага».

– Давай с нами, ТиТ-5, – позвал его ДЭрМ-11.

– Не сегодня, друг, – покачал головой ТиТ-5, притворившись, что он смертельно устал. – Хочу немного побыть один, понимаешь?

– Понимать-то понимаю, вот только твой отсек в противоположной стороне, – заметил ДЭрМ-11, сверля его сверкающими голубыми глазами.

Иногда ТиТ-5 начинало казаться, что ДЭрМ-11 слишком хорошо его знает.

– Верно, – улыбнулся Писатель и пошёл в обратную сторону. А что ещё делать? Среди мусорщиков не было стукачей, и всё-таки лишние подозрения были ему ни к чему.

Но просто так он сдаваться не собирался. На женскую половину был и другой путь – через технический уровень.

Там работали гуны – ещё одни твари с планеты варнов. Тогда как варны гордо несли своё лягушачье тело на сильных лапах, гуны передвигались опасливо, точно крысы. Тела гунов были сплюснутыми, словно они только что вышли из-под пресса, а характер и вовсе премерзкий. В кастовой системе варнов они стояли ниже лягушек, но выше мусорщиков, поэтому к последним относились как к грязи. ТиТ-5 шёл мимо, а они посматривали ему вслед своими маленькими, глубоко посаженными глазками, словно говоря: «Мы не знаем, кто ты, но ты нам не нравишься».

В любой другой раз ТиТ-5 непременно рассмотрел бы технический уровень поближе. Корабль, построенный варнами, не имел ничего общего с теми космическими кораблями, которые строили на его исторической родине. Насколько ему было известно, варны использовали энергию, полученную в ходе аннигиляции вещества и антивещества, чтобы перемещаться из одной галактики в другую. Он не помнил, было ли антивещество открыто в его реальности – честно говоря, ТиТ-5 увлекался физикой лишь на уровне Рустернета и только тогда, когда ему нужно было описать какой-нибудь термин для своей книги. Но одно дело – читать о гипотетическом фотонном двигателе, и совсем другое – находиться от него в паре метров. Любопытно было до жути, впрочем...

«Не забывай, что именно любопытство привело тебя на эту планету», – одёрнул себя ТиТ-5 и пошёл дальше под прицелом злых глазок гунов. Половина свободного часа уже истекла, и, если он хотел увидеться с РУТ-81, нужно было торопиться.

Технический уровень вывел ТиТ-5 в длинный коридор, в конце которого была она – заветная дверь на женскую половину. Андроид радостно ускорил шаг, не смея поверить, что всё оказалось так просто.

Но не тут-то было. Дверь оказалась защищена магнитным замком, доступ к которому, вероятно, был только у варнов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.